

На дне / Low Lives (новелла)

На дне / Low Lives (новелла)

Автор	Дэнни Флауэрс / Denny Flowers
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Uprising
Год издания	2019
Экспортировать	PDF , EPUB

Сюжетные связи

Предыдущая книга	Рука Хэрроу / The Hand of Harrow
Следующая книга	Последнее путешествие Элиссы Хэрроу / The Last Voyage of Elissa Harrow

Чтобы хотя бы начать понимать бесплодный мир Некромунды, сперва вы должны понять города-ульи. Эти рукотворные горы из пластали, керамики и рокрита на протяжении столетий разрастались, чтобы защитить своих обитателей, так что чрезвычайно напоминают термитники. Население городов-ульев Некромунды исчисляется миллиардами, и они крайне индустриализированы. Каждый из них обладает промышленными мощностями целой планеты или колониальной системы,

собранными на площади в несколько сотен квадратных километров.

Внутренняя стратификация городов-ульев также представляет собой познавательное зрелище. Вся структура улья является копией вертикального отображения социальных статусов его жителей. На вершине находится знать, под ней – рабочие, а под рабочими располагаются отбросы общества, изгои. Особенно это становится очевидно на примере Улья Прим, резиденции губернатора планеты лорда Гельмаура Некромундского. Аристократы – дома Гельмаур, Каттал, Тай, Уланги, Грейм, Ран Ло и Ко`Айрон – обитают в «Шпиле» и редко выходят за «Стену», которая существует между ними и громадными кузницами, а также жилыми зонами непосредственно города улья.

Ниже города улья располагается «Подулье»: фундаментообразующие слои с жилыми куполами, промышленными зонами и туннелями, которые были заброшены предшествующими поколениями, однако заново заселены теми, кому некуда больше податься.

Впрочем... люди – не насекомые. Они плохо уживаются вместе. Их может вынудить к этому необходимость, но в городах-ульях Некромунды сохраняется внутренняя разобщенность такой степени, что зверства и открытое насилие являются повседневной рутинной. Подулье при этом представляет собой совершенно беззаконное место, плотно забитое бандами и отступниками, где выживают лишь сильнейшие или наиболее хитрые. Голиафы, твердо верящие в право сильного; матриархальные мужененавистницы Эшеры; промышленники Орлоки; технологически мыслящие Ван Саары; Делаки, само существование которых зависит от их шпионской сети; неистовые фанатики из Кавдора. Все они ведут борьбу ради получения преимущества, которое возвысит их – неважно, на сколь краткий срок – над прочими домами и бандами Подулья.

Поразительнее всего, когда отдельные личности пытаются преодолеть монументальные физические и социальные границы улья, чтобы начать новую жизнь. Принимая во внимание обстановку в обществе, возвыситься в улье практически невозможно, однако спуск вниз – в целом более легкий, пусть и менее привлекательный вариант.

- выдержка из книги Зонариария Младшего

«Nobilite Pax Imperator - Триумф аристократии над демократией»

□

Содержание

Пролог

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

Пролог

В поселении Конец Надежд имелось всего одно место, где можно было промочить горло.

Данвич, его владелец, утверждал, будто дело в том, что он знает, как угодить запросам клиентов. Запросы эти были не слишком экстравагантны – по большей части, шахтеров вполне устраивало пить в тишине, топя воспоминания о дневном труде. Даже после того, как шахту захватили Гранитные Лорды, мало кто удосуживался обсуждать ситуацию. Никто не видел смысла говорить о проблеме, которую нельзя разрешить.

Никто, кроме незнакомца.

Тот заявился с оживленной самоуверенностью, которая показалась Данвичу практически оскорбительной. Человека едва ли можно было назвать впечатляющим – ни высокий, ни широкий, лицо частично закрыто выцветшим зеленым шарфом. Однако он вошел в бар так, словно управлял заведением, и заказал бутылку «Бешеной змеи» для себя и еще одну для любого, кто захочет с ним выпить.

Этого хватило, чтобы привлечь некоторое внимание. Вскоре собралась толпа, и по мере того, как лилась выпивка, люди начали обмениваться с новоприбывшим новостями и историями.

В конце концов, разговор зашел и о захвате.

- Я вот чего не пойму, – произнес незнакомец. – Шахта же принадлежит вам. Вы ее построили, вы брали на себя все риски. Вы и должны пожинать все плоды, только и всего.

- Не все так просто, – вздохнул Данвич. – Гранитные Лорды не какая-нибудь кучка малолеток только из литейки, которым хочется заявить о себе. Каждый из этих людей – хладнокровный убийца, а Красная Шапка худший во всей шайке. Слышал историю, как он получил это имя?

- Я много всяких историй слышал, – пожал плечами незнакомец, потянувшись за своим стаканом. – Вот, например, я слышал, что Гранитные Лорды едва пережили стычку с Парнями с Дурной Скалы. Разве Костолом не убил двоих из них голыми руками?

Посетители бара слегка напряглись. Они не питали любви к Гранитным Лордам, но банда все равно принадлежала к дому Орлоков, а некоторые привязанности пускают корни глубоко.

- То было давно, – сказал Данвич, немного помолчав. – К тому же, Парней с Дурной Скалы было не остановить. Я слышал, Костолом однажды получил крак-гранату в лицо и даже зуба не лишился.

- Это я тоже слышал, – отозвался незнакомец. – И все-таки этих неудержимых монстров убили, перерезали за один ночной цикл.

- Это куча гроксова дерьма.

Незнакомец развел руками.

- Но именно так я и слышал.

Некоторые из прочих завсегдатаев бара закивали.

- Вон как? - ухмыльнулся Данвич. - Ну а мне кто-то рассказывал, будто их всех шестерых убил один человек, вооруженный только ножом.

- Так говорят, - ответствовал незнакомец. - В сущности, я слышал, что это был тот же человек, который убил Незримого Зверя из Отстойника.

Чудак, один из старейших шахтеров, согласно кивнул головой.

- Мой брат лишился половины бригады из-за этого чудовища, - произнес он. - Он мне рассказывал, что оно могло прятаться в твоих кошмарах. Никто не мог его выследить.

- Именно так, - улыбнулся незнакомец. - Вот только подобное умение работает лишь с добычей, которой ведом страх, и это-то и погубило зверя. Видите ли, у Парней с Дурной Скалы и Незримого Зверя есть кое-что общее. Они все считались непобедимыми, пока не померились силами с девятым по опасности человеком в подулье.

Бармен приподнял бровь.

- Хочешь сказать, их всех убил Калев Проклятущий?

Незнакомец сердито уставился на него.

- Нет, - произнес он, и в его голос закралась нотка раздражения. - Я хочу сказать, что их убил Калев *Пропавший*. Не Проклятущий, Пропавший.

Чудак насупился.

- А я слышал, что «проклятущий».

- Ну так ты слышал неправильно, - огрызнулся незнакомец. Он прервался, сделав глубокий вдох и взяв себя в руки. Улыбка снова вернулась на свое место. Затем он развернулся, ловко вскочил на барный табурет и обратился к толпе.

- Я знаю все истории о Калебе Пропавшем, - ухмыльнулся он. - Знаю, что он спасся в боине на Кровавой Реке и пронес единственное выжившее дитя сотню миль по Пепельным Пустошам. Знаю, что он вскарабкался на вершины Шпиля и сразился с великим лордом Хэрроу, одолев того в поединке и похитив его главное сокровище. И еще знаю, что однажды вскоре он станет известен как герой, освободивший поселение Конец Надежд от жестоких Гранитных Лордов. А знаете, откуда мне это известно?

Те переглянулись. Чудак покачал головой.

Незнакомец сдвинул с лица шарф и улыбнулся.

1

Из Шлакового Ряда вышло четверо охотников. Пятеро, если считать вместе с еще не пробовавшей крови новенькой, однако никто из остальных этого не сделал. Идти по следу было несложно - где бы ни прошла их цель, оставались рассказы, невероятные свершения и дерзкие подвиги. Охотников не

волновало, что показания тонули в противоречиях. Значение имела лишь охота.

Первую потерю пятерка понесла сразу за пределами Отстойника. Пока остальные спали, Бор Загребущий двинулся дальше в одиночку, намереваясь единолично получить награду. Днем позже прочие охотники обнаружили его тело плавающим в мусорном пруду – невредимым, если не считать ножевой раны в груди. Они знали, что Загребущий был заносчив и временами неаккуратен, но любителем он не являлся. Ларс Проныра, самозванный предводитель отряда, однажды видел, как тот сломал человеку шею ударом тыльной стороной ладони, а еще видел, как другому он вывихнул плечо энергичным рукопожатием. Бывший Голиаф был горой мышц и обладал неожиданной для таких габаритов быстротой, и все равно его жизнь оборвали одним-единственным ударом. Новенькая дотошно изучила рану, оценивая ширину разреза и траекторию входа, словно заносила методы убийцы в каталог. Остальные в отряде молча отдали дань уважения. Каждый мысленно пересчитывал свою долю награды, коль скоро та теперь делилась на троих. На четверых, если считать новенькую, однако никто из них этого не сделал.

Оставшиеся охотники продолжили путь, уже более осторожно. После гибели Загребущего след исчез, теперь цель знала о погоне. Возможно, она бы и скрылась, если бы не Гарак Ищейка. Старику было нелегко поспевать за более молодыми охотниками, но он обладал сверхъестественной способностью узнавать, куда побежит добыча. Порой хватало малейшей зацепки – выпавшего волоска или случайного отпечатка ботинка. Чаще всего реальных следов не бывало вообще, и старик поочередно обдумывал каждый из маршрутов, после чего неизбежно вел их верной дорогой. Когда его спросили, как ему это удастся, он улыбнулся, продемонстрировав разномастное собрание неправильно выросших зубов, и объяснил, что большую часть своей жизни провел в бегах. Он знал, куда те бегут, потому что именно туда побежал бы он сам.

Охотники потеряли его у самой Выгребной Ямы – сточного озера, давным-давно поглотившего Железную Корону, территорию Орлоков. Старик был настолько сосредоточен на следе, что не заметил желтых глаз, приподнявшихся над поверхностью токсичных вод. Когда его схватил сточный крокодил, он завопил, скребя пальцами по берегу, пока его утаскивали вниз. Новенькая неумело потянулась за своим оружием, но Ларс поднял руку, давая ей знак стоять спокойно. В следопыте больше не было нужды, оставался всего один путь.

У сточного озера влачила свое существование горстка несчастных, которые разводили грибы и вылавливали из воды мусор. Пригоршня кредитов купила информацию, подтвердившую, что цель уплыла через озеро, а еще одна пригоршня обеспечила проезд на одной из траулерных барж. Двое оставшихся охотников – трое, если считать новенькую – без единого слова собрались по центру судна, встав спиной к спине и пристально глядя на изумрудно-зеленую воду. Невозмутимый ловец приводил самодельный корабль в движение при помощи кормового весла, оканчивавшегося зазубренным крюком. Время от времени он останавливался и переворачивал весло, чтобы вытащить из стока какую-нибудь безделушку.

Никто не знал, насколько далеко тянется озеро. Ловец утверждал, будто заплывал дальше прочих. Он рассказал про забытый берег, где уродливые твари носят человеческие лица. Когда его спросили, не к тем ли берегам направилась их цель, ловец рассмеялся и сказал, что никто не осмеливается пересекать озеро, поскольку ни один из пытавшихся это сделать так и не вернулся. Новенькая резонно поинтересовалась, откуда же ему известно о существах на дальнем берегу, если оттуда никто никогда не возвращался. Ловец улыбнулся – его зубы оказались неожиданно белыми и совсем слегка чересчур острыми – и ответил, что это всего лишь рассказы.

Впрочем, ни охотников, ни их добычу не интересовало пересечение озера. Целью был островок,

находившийся в центре.

Кусочек суши был зыбким и представлял собой немногим более, чем дрейфующий мусор, согнанный вместе течениями. Токсичные воды сплывали его вокруг стального цилиндра диаметром около десяти футов и примерно такой же высоты, верхушку которого закрывала бронзовая крышка, покрытая насыщенной бирюзовой патиной. До ульетрясения, во времена, когда Железная Корона являлась промышленным центром, это была одна из дюжины шахт, использовавшихся для подъема ценной руды из копей внизу. Теперь же осталась только она – последний проход через Выгребную Яму к единственному остатку сгинувшей империи. Там и находилось последнее прибежище их добычи.

За скромное вознаграждение ловец согласился вернуться через три дня, чтобы забрать их. Ларс пригрозил, что нарушение уговора повлечет за собой тяжкие последствия, хотя на самом деле и знал, что привести угрозу в исполнение будет тяжело.

Внутри бывшего шахтного колодца на истертых тросах и изношенных цепях висела клеть из проржавевшего железа и потускневшей меди. В поперечнике она составляла всего несколько ярдов, ее сильно изъели коррозия и гниль. Мотор уже давно развалился и не подлежал восстановлению, так что вместо этого они работали лебедкой: двое тянули ржавую цепь, пока еще один отдыхал. Единственным источником света служила работающая с перебоями лампа-люмен, похожая на свечу во мраке. Впрочем, вися в стальной шахте глубоко в недрах стока, смотреть было особо не на что. Однако в воде они были не одни. Время от времени что-то задевало за металл шахты – возможно, щупальце или уродливый плавник – и тогда клеть раскачивалась, скрипя цепью и погружаясь все ниже.

Третья потеря произошла во время спуска. Новенькая проснулась и обнаружила, что Ларс тянет цепь в одиночку, а у его ног лежит тело Сухого Скрэга. Психоз, как сообщил ей Ларс – несомненно, это вызвали теснота шахты и опасности, таящиеся в стоке. Ларс был вынужден к самообороне. Превентивной, нужно признать, но все же самообороне.

Новенькая ничего не сказала.

У следующего клапана сброса они выкинули труп. Сквозь смотровое окошко было видно, как тот плывет, вися в переливающихся сточных водах. Потом возникла тень, мелькнули зубы размером с кавдорскую алебарду. Тело исчезло.

Оба взяли за цепь, удвоив усилия.

В конце концов, они рывком остановились на дне шахты. Выйдя из клетки, они оказались в громадной пещере, сток остался высоко над ними.

Ларс шагнул наружу, держа винтовку опущенной, но всегда под рукой. Его оливково-зеленая шинель было плотно застегнута, на рябом лице появилась глумливая улыбочка. Новенькая следовала сразу за ним, пристегнув за спиной свой длинноствольный лазган. Перед ними простиралось все, что осталось от былой Железной Короны – подземная пустыня из пепла и осыпающихся камней, пронзенная колоссальными сталактитами размером с гору. Те росли с купола высоко наверху, и острия уже давно погрузились в пепельные дюны. Некоторые из наиболее крупных сталактитов были соединены между собой немногочисленными ржавыми мостиками, а далеко вверху можно было разглядеть свечение оставшихся огней купола. Сложно было представить, что над этими огнями располагаются гниlostные воды Выгребной Ямы. Ларс задумался, насколько мощное ульетрясение потребуется, чтобы расколоть купол и утопить их в стоках, и решил, что лучше не тянуть время.

Новенькая изучала карты, пытаясь найти единственное уцелевшее поселение нижнего мира. Она продержалась дольше, чем он ожидал, пережив трех опытных охотников, и за время путешествия показала себя достойно. Скорее всего, он все равно убьет ее, как только они получат награду, но пока что стоит держать ее рядом. На худой конец, она может поймать шальную пулю, предназначенную ему.

Она уловила его взгляд и указала пальцем. Впереди, под покровом смога, еле виднелось поселение Конец Надежд - от силы четыре десятка строений, часть сварена из ржавых переборок, остальные вырезаны прямо в горах пустой породы. Слева располагалась мастерская, забитая вагонетками и бурильным оборудованием. По центру одно из зданий выдавалось чуть выше остальных - видимо, оно принадлежало главному в этом месте, кто бы это ни был. Снаружи собралась толпа, и он слышал далекое эхо голосов.

Ларс поднял винтовку, подкручивая телескопический прицел. Он находился слишком далеко, чтобы рискнуть стрелять, но теперь он хотя бы мог отчетливо видеть. В поселении и впрямь шел какой-то праздник, хотя он и не выглядел запланированным. Из некоторых строений продолжали появляться люди, которые стягивались к импровизированной сцене, сооруженной из ржавых переборок. Оттуда к толпе обращался один человек, державший в каждой руке по бутылке «Бешеной змеи». Он был среднего роста, одет в потрепанную рубаху и драный зеленый шарф, видимо, являвшийся последним писком моды пару циклов тому назад, а на голове носил выцветший синий ирокез. В лице не было ничего примечательного, пока он не улыбнулся - с теплотой либо искренней, либо безупречно подделанной. У Ларса в кармане лежало объявление о награде, но ему не потребовалось с ним сверяться. Это лицо было слишком ему знакомо.

- Кaleb Пропаший, - прошептал он. - Рад видеть, что ты веселишься.

Удовлетворенный, он повернулся к новенькой, которая все еще настраивала прицел своего дальнобойного лазгана.

- Быстро, - бросил он. - Похоже, наш парень устраивает представление. Думаю, пора его уложить поспать. Навсегда.

Он ухмыльнулся, довольный своей шуткой. И все же, Кaleb являлся только половиной проблемы. Существовала еще вторая цель, сообщница Калеба. У него не было ни ее имени, ни изображения, но он знал, что крысокожая будет неподалеку, пусть даже та оказалась довольно неуловимой. Он не смог обнаружить ее ни на сцене, ни в толпе. Только когда Кaleb закончил свою речь, завершающие фразы которой вызвали одобрительный рев, Ларс заметил мимолетное движение на крыше центрального строения. Вот где она была - едва заметная в тени, но Ларс смог разглядеть ее лицо. Глаза обрамляли темно-красные отметины, слегка напоминавшие слезы. Она хмурилась.

- Вечеринка не по душе? - с ухмылкой произнес он, продемонстрировав неполный набор гнилых зубов.

При этих словах ее голова резко повернулась, и их взгляды встретились. Ларс невольно вздрогнул. Она никак не могла его засечь - с такого расстояния человека не заметил бы даже бионический глаз - но он все равно почувствовал, как по спине пробежала дрожь испуга. Он с удовольствием заставит ее заплатить за это.

- Как думаешь, осилишь выстрел? - спросил он, оборачиваясь к новенькой. Та до сих пор возилась с дальнобойным лазганом, проявляя необычный для себя непрофессионализм.

- Дай мне, - рявкнул он, выхватив оружие у нее из рук. Это все равно оставалось рискованно. Ларс был

уверен, что сможет подстрелить любого из двух даже с такой дистанции, но при этом он мог раскрыть свое присутствие и, возможно, дать второй цели шанс скрыться. Он решил, что крысокожая – лучший вариант. Та была одна на крыше, и никто с хорошей вероятностью не заметил бы ее падения. Это бы дало ему время подправить прицел и сделать второй выстрел по Калебу.

Он практически не почувствовал, как клинок новенькой полоснул его по горлу, без труда рассекая кожу и плоть под ней. Успев издать булькающий вскрик, он осел на подогнувшиеся колени, слабо зажимая фонтанирующую рану.

Потом он завалился вперед и затих.

Элисса вытерла клинок о рубашку Ларса и с отработанной ловкостью подобрала дальнобойный лазган. В прицел она увидела Калеба на импровизированной сцене. Тот вскинул руки, и толпа опять взревела так, что шум долетел до вершины холма. Она почувствовала, как в груди вздувается пузырь ненависти. Палец на мгновение напрягся на спусковом крючке.

Однако она остановилась, опустила оружие и сделала глубокий, медленный вдох.

Нет.

Она представляла себе его смерть тысячу раз. Это случится не быстро и не чисто. В свои последние мгновения он будет сломленным человеком, парией среди жалких обитателей подулья, чьего одобрения он столь отчаянно жаждал.

Ее пальцы заплясали по серебряному наручу на предплечье. Металл был гладким и лишенным украшений, за исключением эмблемы золотого кинжала на кроваво-красном поле. Развернулся оживший голоматричный дисплей, и она вывела набор координат, до которых оставалось еще полмили. Закинув оружие за плечо, она двинулась прочь, оставив труп Ларса лежать распростертым посреди пепельной пустыни.

Ее поступь была размеренной. Спешить было некуда. Пока что.

2

Калев очнулся и быстро пожалел об этом.

Он попытался моргнуть, ломая голову, почему у него заклеены глаза. Попробовал поднять руку, чтобы их протереть, но для этого требовалось определить, где находится верх, что в данный момент являлось непростым вопросом. В сущности, наверняка он знал всего три вещи. Во-первых, нечто пыталось просверлить дыру в его черепе – видимо, чтобы выбраться оттуда. Во-вторых, по зрелом размышлении он надеялся, что у этого нечто все получится, и оно даст ему спокойно умереть. В-третьих, к нему приходило осознание того, что тухнувшая в желудке мерзость продержится там еще недолго.

Он сумел вздернуть себя в сидячее положение, но едва не упал: земля под ним сотрясалась. Нет, не земля; он валялся в стальном ящике площадью примерно пять квадратных футов в компании полупустой бутылки, которая пахла как стерилизующий гель, настоянный на тробухе. Стенки его пристанища были высотой в пару футов. Наверху сквозь облако смога и пыли с трудом пробивались огни купола.

Желудок снова свело, и к горлу подступила желчь.

Ухватившись за металлическую раму, Калев заставил себя встать на ноги и еще попытался свесить голову за борт, когда шумно выплеснул наружу содержимое желудка. Слабо приподняв голову, он обнаружил, что смотрит на три озадаченных лица. Одежда людей представляла собой сочетание грубой ткани и клепаной кожи, слегка напомилавшее о доме Орлок. Они тоже сидели в своем металлическом ящике, который, как он теперь мог разглядеть, являлся частью колонны вагонеток, сцепленных друг с другом наподобие обоза и занятых отдельными группами. Движение было неожиданно тихим. Он глянул вниз, не обращая внимания на потеки, оставленные им на стали. Вагонетка висела над самым песком на паре металлических полозьев, перемещаясь за счет волны магнетической силы.

Троица в соседней вагонетке продолжала тарашиться на него.

Он попытался помахать им рукой, изобразив самую теплую улыбку, что, следовало признать, работало лучше без корки рвоты на подбородке. Ближайший из троих слабо улыбнулся в ответ, безуспешно пытаясь не выразить взглядом своего отвращения. Калев с облегчением осел обратно внутрь вагонетки. Он обливался потом, глаза закрывались.

Что-то ударило его в лицо.

Он повалился назад, треснувшись головой о сталь и разбудив ту тварь, которая сверлила его череп. Снаряд упал ему на колени. Он уставился на предмет и, в конце концов, признал в том фляжку.

- Вода, - произнес знакомый голос. - Пей.

Внезапно испытав отчаянную жажду, он схватился за крышку. В горле было сухо, как в окружавшей их пустыне. Он наклонил флягу, но стремительно возникшая рука схватила его за запястье, притормозив.

- Не слишком много, - сказал голос. - Маленькими глотками.

Он сделал, как она велела, наполняя рот и позволяя жидкости ручейком стекать в глотку. Поначалу он чувствовал, что желудок сжимается в кулак, но капля по капле сумел протолкнуть воду вниз. Помогло гораздо меньше, чем он надеялся.

Спасительница забрала у него фляжку и уселась на противоположном конце вагонетки. Насколько он мог судить, ее лицо было знакомо: темные глаза, обрамленные багряными штрихами, поджатые губы, всегда вытянутые в линию, и копна черных волос, коротко подстриженных при помощи ножа. Однако какой бы отдел мозга ни отвечал у него за язык, сейчас он никак не мог вспомнить, как же ее зовут. Ему хватило ума не упоминать об этом. Судя по выражению лица, она пребывала не в лучшем настроении, и ему начинало казаться, что он может быть как минимум отчасти в этом виноват.

Желудок снова свело; ощущение было такое, словно его ткнули ножом в живот. На сей раз он сдержался, плотно зажмурил глаза и беззвучно считая про себя, пока с лица капал пот. Боль понемногу отступила. Он расслабился, позволив себе обмякнуть в вагонетке.

Схватив его за волосы, она вздернула его на ноги. Ладонь хлестнула его по лицу. Это была сильная пощечина, хотя он и подозревал, что при необходимости она способна ударить его ощутимо сильнее.

- Проснись! - бросила она.

- Иктоми? - выдавил он. Языковой центр в мозгу внезапно включился. - Я не сплю, мне, наверное, просто опять нездоровится.

Она разжала хватку, пробормотав ругательство. Использованное ей слово было из наречия крысокожих. Точного значения он не знал, но интонация и общая окраска донесли суть абсолютно ясно.

- Благодарю, - произнес он, расправляя воротник. - Итак, куда мы едем?

- На шахту.

Шахта. В этом слове было что-то знакомое.

- Мы едем добывать руду? - рискнул предположить он.

Она яростно воззрилась на него. Он бы попятился назад, не будь его плечи и так прижаты к стали.

- Не добывать, - тихо сказала она с физически ощутимой угрозой в голосе. - Красть.

Вот это звучало действительно знакомо. Не та часть, которая касалась шахты, а идея кражи в целом. Пелена приподнималась - возможно, ее разогнал удар по голове. Красть; это звучало более-менее правильно. Красть, убегать, влетать из одной почти катастрофы в другую. Теперь все стремительно возвращалось - бегство через все подулье, охотники за наградой за спиной. Спуск под токсичное озеро, полное чудовищ, выживание в нижнем мире под стоком. Теперь это была его жизнь, с самого инцидента в Шпиле.

Он бросил взгляд на Иктоми. Та больше не наблюдала за ним, сконцентрировавшись на пустыне из пепла и пыли. Он проследил за ее взглядом. Пейзаж выглядел причудливо: перевернутые горы из осыпающихся камней, расширявшиеся кверху и заслонявшие своими массивами огромные участки купола. Из них торчали проржавевшие балки, похожие на сломанные кости, а внутри гор был прорезан целый муравейник туннелей, укрепленных сетью лесов. Он не мог понять, для чего так делать - возможно, некоторые поселенцы жили в пещерах над пустыней или отступали туда в случае нападения? Это не выглядело особо безопасным, да и бежать оттуда было уже некуда. Стоило признать, некоторые из наиболее крупных гор соединялись между собой ржавыми железными переходами, но эти мосты были древними и уже пришли в негодное состояние. Многие из них, несомненно, уже обрушились, изолировав отдаленные горы. Единственным напоминанием о них служили сломанные балки.

Перед глазами все поплыло, и его вдруг снова очень сильно затошнило.

- Кажется, мне надо еще воды.

Она передала ему фляжку, не глядя на него. Ее внимание было сосредоточено на перевернутом ландшафте.

- В чем дело? - спросил он, сделав глоток.

- За нами кто-то наблюдал.

- Когда?

- Вчера. Может, и раньше. Может, и сейчас.

- Стало быть, всегда?

- Нет, не всегда, - произнесла она. - Но и мы не всегда оповещали о своем присутствии всюду, куда бы ни прибыли, и не распевали песен о своих героических поступках.

Теперь он припоминал. Не всё – судя по прошлому опыту, это предстояло позже. Однако он вспомнил, как стоял на столе, сжимая в обоих кулаках по бутылке «Бешеной змеи», а аудитория была у него в руках, внимая каждому его слову. Это было чудесное чувство, хотя отчасти его и можно было списать на «Бешеную змею».

- Признаю, это, возможно, и было ошибкой, – согласился он, – но никто ведь не мог последовать за нами сюда. Нет такой награды, ради которой стоит рисковать лезть в это озеро.

- Мы пережили путешествие.

- Едва-едва. Но мы же в Конце Надежд, верно? – настаивал он. – Ниже залечь уже невозможно, кроме как погрузившись на настоящее дно улья. Никто нас тут не найдет. Сюда вообще никто не заходит.

- Кроме Гранитных Лордов.

- Кого? – название звучало смутно знакомым, но память оставалась затуманенной.

- Банда Орлоков, – отозвалась она. – Обычно орудуют в Ржавом Городе. Но местные наткнулись здесь на что-то ценное, и банда решила, что оно принадлежит им.

- Вот так просто?

Она кивнула.

- Здесь когда-то была территория Орлоков. Они считают себя вправе брать все, что им нужно.

- Звучит знакомо, – вздохнул Калев. – Я знаю, что ты собираешься сказать: нам не следует ввязываться.

- Именно так я и сказала, – ответила она, мрачно глядя на него. – Ты со мной даже согласился. Сперва.

- У меня такое чувство, что прошлой ночью я мог сказать какую-то глупость.

Она покачала головой.

- Нет, не «какую-то». Множество глупостей.

Он кивнул. Это тоже казалось знакомым.

- Было что-то действительно выдающееся?

- Ты пообещал, что сможешь вернуть их собственность, не пролив при этом ни единой капли крови.

- Верно, – он скривился. – Ну, это в рамках...

- Ты пообещал им лучшее будущее.

- Мне кажется, это скорее обещание возможности, типа я могу дать им шанс построить лучшее будущее, но реализация больше...

- И ты отказался от половины нашего гонорара, в качестве жеста солидарности.

Он выругался.

- Ох, прекрасно. Так сколько мы на этом заработаем?

- Ты не заработаешь ничего.

Ему потребовалась секунда, чтобы понять, что она имеет в виду. Он затряс головой.

- Нет, мы все делим пополам, таково правило. И выигрыши, и проигрыши.

- Тогда с чего это ты без спроса отказываешься от половины моего гонорара?

Мгновение оба молчали, тишину нарушал лишь гул генератора вагонетки. Впереди между дюн показалась одна из перевернутых гор, и ее колоссальная громада отбросила свою тень на колонну.

- Нам бы надо прийти к взаимопониманию, - произнес Калев. - Я... не в лучшей форме. Не знаю, почему так, обычно «Бешеная змея» меня так сильно не накрывает, но...

- Она кончилась во время твоей речи. Ты продолжил произносить тосты.

- Так что я тогда пил? «Второй сорт»?

Она мрачно покачала головой.

- «Третий сорт»? - прошептал он с возрастающим ужасом.

- Думаю, можно и так назвать. Если хочется проявить снисхождение.

- Тогда, полагаю, я должен быть благодарен, что еще жив. Во имя Гельмаура, зачем я пил «Третий сорт»?

- Ты был очень пьян.

- Это все объясняет, - кивнул он, поразмыслив секунду. - Это на этом этапе я представил свой план?

- Частично.

- А я делился подробностями?

Она уставилась на него. Взгляд был недобрый. Он сглотнул.

- Буду честен. Прошлая ночь, сказать по правде, несколько в тумане. Есть несколько мелких, но существенных деталей нашего нынешней работы, которые от меня ускользают.

- Каких деталей?

- Ну, думаю, для начала нам нужно уточнить, что конкретно мы крадем.

Взгляд становился все хуже. Как-то раз Калеба угрожал выпотрошить психопат семи футов ростом, носивший ожерелье из разнообразных ушей. Почему-то тот выглядел менее пугающе. Тем не менее, он продолжил:

- Кроме того, мне не до конца ясно, как мы планируем это сделать. Или почему. Или откуда, если уж на то пошло, но мне кажется, что пока что нужно сосредоточиться на «как» и почему». Договорились?

Он выставил перед собой сжатый кулак в жесте солидарности.

Она пристально посмотрела на кулак, а затем на него.

Ее глаза сузились, и Калев осознал, что до настоящего момента он на самом деле никогда не видел ее рассерженной.

Элисса наблюдала за тем, как колонна скользит по пепельной пустыне. Расстояние не позволяло разглядеть тех, кто находился в вагонетках, но она знала – он там, прохладается среди грязекопов из поселения. Она это чувствовала.

Ее убежище было вырезано в одном из сталактитов: закуток шириной всего в несколько ярдов, приткнувшийся под нависающим выступом и невидимый с земли. Видимо, когда-то он служил логовом контрабандиста или уединенным местечком для свиданий любовников, но уже давно был заброшен. Она бы ни за что не отыскала его без координат, пусть и искать было особенно нечего. Какая-то небольшая ее часть – часть, в смерти которой она поклялась давным-давно – питала надежду, что для нее что-нибудь оставят. Сувенир из дома или хотя бы просто свежие пайки, не восстановленные из мяса паразитов и трупной муки. Однако, как ей напомнили, даже одеяло противоречило бы правилам. Она знала, что некоторые пуритане дошли бы даже до утверждения, что предоставление координат технически является нарушением кодекса.

Кодекс.

В Шпиле все выглядело романтично – юные аристократы из ее дома спускаются в глубины подулья, дабы проявить свою доблесть, вооруженные лишь тем, что могут унести с собой. Возвращались они после исполнения своих обетов, хотя большинство клялось просто забрать определенное количество жизней, а наименее воспитанные пытались превзойти счет конкурентов. Не то, чтобы это как-то усложняло задачу. Каждый из дебютантов носил наруч с выгравированной эмблемой дома, связующее звено с миром внизу. Устройство могло считывать биение сердца носителя и могло предоставить доказательства триумфа или неудачи, но ему не было дела до доблести и чести. Победа над множеством опаснейших убийц подулья имела такую же ценность, как убийство множества младенцев, и иные из ее партнеров придерживались именно такого принципа.

Ей доводилось слышать от некоторых кузенов похвальбу, будто они намерены задержаться в подулье и собираются несколько лет позабавиться, создавая империи среди нищеты. Несколько из них даже предлагали своего рода турнир, где каждому предоставлялся бы один цикл на сбор сил, а затем следовала бы открытая война, и проигравший в знак примирения угощал победителя выпивкой. Теперь же, проведя несколько месяцев в гнилостной тьме, она задавалась вопросом, разделяют ли они еще эту идею, если кто-то из них вообще жив.

Когда настал ее черед принести обет, она пообещала всего одну жизнь. Потому что стремилась проявить себя не длиной списка, а тем, кого лишит жизни – вора, обесчестившего их семью и пролившего кровь ее отца.

Состав скрылся в туннеле, высеченном в горах шлака. Это не имело значения. Она знала, каким маршрутом он пойдет и куда направляется. Несмотря на свои многочисленные недостатки, Ларс обладал сносным умением собирать информацию. В пепельной пустыне имелось всего одно место, представлявшее ценность. Именно там она и найдет Калеба, который, без сомнения, полезет в какую-то местную свару. Если дело обернется перестрелкой, одна шальная пуля может оставить ее без убийства и нарушить ее обет.

Клятва состояла не просто в его смерти. Лишь когда его жизнь будет разрушена, когда рухнут всякие

иллюзии о героизме, а в подулье он станет известен как убийца и трус – лишь тогда она смилостивится и положит конец его страданиям. До тех пор его жизнь принадлежала ей, и она намеревалась позаботиться, чтобы никто другой ее не забрал.

Пристегнув длинноствольный лазган на его место за спиной, Элисса Хэрроу начала спускаться из своего убежища.

3

К тому времени, как они достигли сланцевого отвала, Калев уже обливался потом, пусть и не знал точно, вызвано ли это излишествами прошлой ночи, или же тем, что купол резко переключился на полуденный климатический протокол. Переход не был плавным, регуляторы окружающих условий за считанные минуты повысили температуру на двадцать градусов. Огни купола тоже стали ярче, хотя от этого мало что изменилось, и колонна уже находилась глубоко в тени самой большой горы.

Он вытер лоб и бросил взгляд на Иктоми. Та выглядела безучастной – по крайней мере, к жаре. Однако что-то было не так. Он неплохо знал ее методы: как она обычно изучала местность, чтобы определить укрытия и потенциальные линии огня. Но сейчас она была погружена в раздумья и постоянно оглядывалась через плечо, словно ожидая, что из облаков пыли позади них что-то появится.

Колонна остановилась за сланцевым отвалом – последним укрытием на пути к шахте. Поселенцы спешили и проверяли свое снаряжение, а Калев с Иктоми полезли вверх по поверхности скалы. Крысокожая двигалась будто паук, взбираясь без оглядки на опоры для рук и ног. Калев действовал более методично, поочередно проверяя каждую зацепку. Камень был мягким и крошился от прикосновения.

Они добрались до вершины. Оттуда отчетливо просматривался вход рудника на равнине внизу. Когда Калев увидел его, у него упало сердце. Он надеялся на яму в земле – что-нибудь такое, что они смогут легко окружить и заблокировать, зажав банду Орлоков на одном месте. Однако основной ствол шахты был высечен непосредственно внутри одной из перевернутых гор, в том месте, где ее острие вонзалось в пустыню. Вход был укреплен лесами и несущими балками, а вокруг него возвели простейший лагерь: два примитивных строения, сваренных из металлолома, и периметр, который собрали из разношерстных валунов и старых переборок. Тем не менее, он выглядел достаточно прочным, чтобы устоять перед легким стрелковым оружием, а его конструкция включала в себя хорошо размещенные огневые точки.

За укрепленными воротами располагались дополнительные баррикады, сваренные в грубую, но эффективную запасную линию обороны. Каждая из них была утыкана зазубренными железными остриями. Местность за пределами лагеря выровняли, создав простреливаемую зону шириной в сотню футов. Даже при минимальном количестве защитников любая атака в лоб понесла бы тяжелые потери.

- Проклятье, – произнес он. – Это же крепость. Я знал, что это крепость, когда все обещал?

Она пожала плечами.

- Расскажи мне мой план еще раз, – со вздохом сказал он. – Просто для ясности.

Она повторила инструкции, которые он надиктовал перед тем, как отключился. Ее голос был бесстрастным, но лицо выглядело совсем не так. При третьем прослушивании все лучше звучать не

стало.

Они крали руду. Что-то под названием мелеритист. Ему никогда не доводилось о таком слышать, но минерал явно дорого стоил. Самым тяжелым из того, что Калев воровал до этого, был бронзовый бюст Гурнарка Короля Башмаков. Даже при столь ограниченном опыте он предполагал, что кража нескольких тонн руды будет сопряжена со значительными логистическими сложностями. Впрочем, в данном случае это была не кража. Поселенцы наткнулись на мелеритистовую жилу до появления Гранитных Лордов, а бандиты захватили раскопки и прогнали местных угрозами и запугиванием. Они с Иктами являлись героями, защищавшими угнетенных от жестоких преступников.

Весьма многочисленных преступников, как выяснилось.

У входа на рудник виднелись двое, которые держались начеку, но непринужденно, опустив оружие. Он надеялся, что банда может утратить бдительность, но, похоже, они были хорошо вымуштрованы. Дальше находились еще двое, прочесывавшие периметр. Четверо преступников, еще пятеро неизвестно где. Он предположил, что те могут быть в шахте, заканчивать извлечение руды. Ему припомнилось какое-то упоминание о деликатности данного процесса, но предшествующий вечер до сих пор оставался расплывчатым.

Четверо на виду. Предстояло довольствоваться этим.

- Ты можешь пробраться внутрь? - поинтересовался он.

Иктами кивнула. Ему хватило ума не спрашивать, каким образом.

- Окей, давай пробежимся последний раз. Ты прокрадываешься внутрь и устраиваешь диверсию с оставшимися у них припасами. Нам нужно позаботиться о том, чтобы вывести из строя их водоотделитель. Ни еды, ни помощи, ничего. У них не должно остаться путей для отступления.

Произнесение вслух помогало. Эта часть плана представлялась логичной. Ключ к окончанию осады - вообще не дать ей состояться. Сработать на упреждение. Предвидеть. Исключительно похвальные уловки. Вероятно, этот этап пришел ему в голову, пока он еще пил «Бешеную змею».

Вторая часть плана была чуть более рискованной, и ее он, несомненно, сформулировал под действием «Третьего сорта». Там фигурировало, что он в одиночку зайдет в лагерь, убедит преступников загрузить для него руду в вагонетки, и вся группа покинет прииск, но напорется на засаду поселенцев.

Они слезли вниз, цепляясь за гору сланца, осыпавшегося у них под ногами. Внизу поселенцы вооружались. У большинства было недальнобойное оружие: обрезы дробовиков и стабберы, но имелась также пара гарпунометов, а также тяжелый стаббер. Ничто из этого не выглядело пригодным для пробивания дыры в укреплениях, но и зачем? Оружие предназначалось сугубо для устрашения; он же поклялся, что не прольется ни единой капли крови.

Посреди происходящего рявкал распоряжения смотритель поселения. Он был рослым и крупным, возвышаясь над Калевом по меньшей мере на голову и превосходя того шириной плеч. Его редущие волосы были связаны в серебристую косичку, доходившую до середины спины, а лицо потрепал не только ход времени. Правая сторона представляла собой искореженную мешанину рубцовой ткани, уха давно не было. Увидев их, он протянул широкую ладонь, маня к себе. На ходу Калев в замешательстве глянул на Иктами. Та вполголоса произнесла его имя: «Камень». Оно определенно ему подходило.

Калев вытянулся во весь свой скромный рост, вновь пустив в ход обаятельную улыбку. Взаимности та не

вызвала. Он заподозрил, что следовало бы почистить зубы.

- Ты видел, с чем мы имеем дело. Все еще считаешь, что этот план может сработать? - спросил Камень. Его тон показывал, что сам он так не считает.

- Абсолютно, - соврал Калеб. - Нам нужно только выманить их наружу. Как только они окажутся на открытой местности, роль будет играть исключительно численность. Им придется сдаться.

- И ты думаешь, что сможешь это сделать?

- Ну конечно. Я просто служитель Торговой Гильдии, прибыл завершить сделку по продаже руды. Деньги решают все.

- Вот только они тебя не ждут в ближайшие три дня.

- Планы меняются, - сказал Калеб. - Предоставь мне волноваться насчет сроков. От вас требуется только точно быть на позиции, когда караван обогнет гору сланца. Вагонетки таинственным образом отключатся. Это сигнал вам.

- А что потом? - поинтересовался Камень, приподняв бровь. - У меня есть камера, в которой можно держать где-то троих из них. Возможно, вдвое больше, если недолго.

- Большого и не нужно. Заприте их и продайте руду настоящим гильдийцам, когда те придут. Без нее воровать станет больше нечего. Банду можно будет выпроводить отсюда.

- И ты думаешь, я могу просто их выпустить? - нахмурился старший мужчина. - Тебе не приходило в голову, что их может не обрадовать такой поворот событий? Что, если им захочется вернуться с друзьями и поквитаться?

- С чего им возвращаться? - ответил Калеб. - Вы живете в перевернутой пустоши под озером, полным ядовитой смерти. Никто не явится сюда, разве что только ради тонны кредитов, или если ему буквально неуда больше идти.

- Ты же сюда явился, - отозвался Камень, вперив в него проницательный взгляд.

- Это другое дело, - Калеб сглотнул. - Нам просто хотелось... исчезнуть ненадолго. Вышло небольшое недоразумение с парочкой бездельников, но оно рассосется. Совсем скоро.

- Вот как? - произнес Камень. - Потому что мы здесь принимаем всех. Я предпочитаю не задавать слишком много вопросов, при условии, что новоприбывшие готовы соблюдать наши законы и платить за себя. Но ты произнес хорошую речь, и вдруг оказывается, что мои люди рискуют жизнью после уверений незнакомца, который уже и без того в бегах. Как же так?

- Полагаю, я просто вдохновляюще выгляжу.

Камень придвинулся ближе. Его лицо находилось в дюйме от лица Калеба.

- Я этого не вижу, - сказал он.

- Ну, а они видят, - ответил Калеб, кивнув на поселенцев.

- Конечно, видят, - отозвался пожилой мужчина. - До твоего появления они уже отбросили надежды. Когда мы только напали на мелеритистовую жилу, все изменилось. Перед нами вдруг мелькнула жизнь,

где не надо выцарапывать себе пропитание в этой захолустной дыре. Столько волнения... Наверное, так слухи и просочились. Довольно скоро сюда спустился Красная Шапка со своими парнями, выгнал нас и взял работу в свои руки. До сих пор не могу понять, как он настолько быстро извлек руду, но он это сделал.

Он вздохнул и бросил взгляд на шахтеров. Казалось, он устал.

- Надежда еще есть, - произнес Кaleb. - Пошлете меня туда, и я уболтаю всю банду. Если не получится, то пристрелят только меня. Можете отрицать, что вам обо мне что-либо известно.

Камень задумался.

- Справедливо.

- Я уверен, - заверил его Кaleb. - Положись на меня, я этим и живу.

- Разводишь людей?

- Ну, да. Но только плохих людей. Не вас. Само собой.

- Очень рад это слышать, - сказал старший мужчина. - Потому что, уж будь спокоен, если попробуешь втянуть меня во что-нибудь, последствия тебе не понравятся.

Камень отвернулся и скованными движениями направился проинспектировать финальные приготовления. Поселенцы попрятались в давно заброшенных вытяжных трубах, торчавших из основания горы сланца. Двигаясь по рельсам, вагонетки обогнут гору. Как только они достигнут труб, засаду можно будет привести в действие. При условии, что Кaleb выживет, разумеется. Камень отрывисто раздавал приказы, координируя размещение наиболее тяжелого вооружения. Судя по тому, как он всем руководил, для него это была не первая перестрелка.

- Я становлюсь ему симпатичен, - сказал Кaleb Иктоми, когда та поравнялась с ним. - Еще до того, как все кончится, мы будем пить вместе и смеяться, словно старые друзья.

- Он тебе не доверяет.

- Ну, это я намерен изменить, - отозвался Кaleb, запрыгивая на переднюю вагонетку. Он пошатнулся и едва не упал. Иктоми перехватила его руку.

- Ты не в том состоянии, чтобы это делать.

Он посмотрел на нее. Всего на миг его улыбка скрылась.

- Я должен попробовать. Я дал слово.

- Или мы могли бы просто исчезнуть.

В ее голосе не было осуждения. Он знал, что предложение искренне.

- Мы дали обещание, - сказал он. - Или, точнее, я дал обещание.

- Да.

- Но ты не давала. Ты могла бы уйти.

- Могла бы, - согласилась она.

- Но не уйдешь.

- Нет.

Он ухмыльнулся.

- Что ж, по крайней мере, я тут не единственный идиот. Мне следует знать еще о чем-нибудь, пока я не зашел внутрь?

- План Б у тебя в кармане, - сказала она. - Но ты меня заверил, что воспользоваться им не придется.

Он запустил руку в свою куртку и нащупал знакомые очертания.

- А мне разве не понадобится...

Она взяла его за подбородок, заставила запрокинуть голову и воткнула ему в ноздри фильтрующие затычки.

- Благодарю, - произнес он с выступившими на глазах слезами. - Смею спросить, есть ли еще что-то?

Она секунду подумала.

- Я спросила тебя, что мне делать, если ты попадешь в неприятности.

- И?

- Ты сказал, что до этого не дойдет.

- Верно, - отозвался он. - Но... давай просто на секунду сделаем вид, что дошло. Каков план?

- Ты сказал, что до этого не дойдет, - повторила она, закидывая за плечо сумку с гранатами. - Удачи. Герой.

Ему не понравилось, как в ее исполнении прозвучало последнее слово.

4

Колонна подъехала к прииску, и Калев приветственно поднял руку. Бандиты остались на своих постах. Они не ответили на приветствие, но, впрочем, и не вскинули оружие. Для начала неплохо.

Он начинал сомневаться в собственном решении управлять вагонетками. Один из поселенцев - кто-нибудь, знакомый бандитам - вызвал бы меньше подозрений. Однако они бы не смогли изобразить представителя гильдии. Кроме того, он же, по всей видимости, настаивал на том, что только у него достаточно обаяния для успеха ограбления и что его медовый язык создаст у банды ложное ощущение безопасности, обеспечив их неспособность отреагировать на внезапное нападение. К некоторому несчастью, хваленый медовый язык сейчас имел такой привкус, словно умер и был оставлен сохнуть в Пепельных Пустошах на половину цикла. Но опять же, он мог воспользоваться и этим.

Он сунул руку в сверток и оторвал полоску крысиного джерки. Не особо утруждая себя жеванием, он затолкал мясо в глотку, а следом отправил пригоршню пыли и последние остатки «Третьего сорта».

Зашло плохо. Но иного и не требовалось.

Когда он оказался у главных ворот, охранник сделал шаг ближе и вскинул руку, подавая знак остановиться, а его коллега прицелился из автомата. Кaleb неловко переключил панель управления, и вагонетка замедлила ход. Охранник находился так близко, что можно было разглядеть его лицо.

- Что тебе здесь надо? - спросил он. - И что ты вообще за падаль?

- Мое имя Аматыж Ракк, представитель достопочтенного торгового гильдийца Солиаса Удачливого. Я прибыл организовать перевозку мелеритистовой руды.

Он выхватил опознавательный знак, символ членства в Торговой Гильдии. Это была весьма выдающаяся - пусть и по его собственным словам - подделка.

Орлок оглядел эмблему, хмуро наморщив обветренный лоб.

- Но... ты же рано. Мы еще не закончили с извлечением.

- Я понимаю. Однако мой господин Солиас потребовал опередить график. Есть небольшая проблема с...

Он сделал паузу, поднял палец вверх, как бы извиняясь, и свесил голову за борт вагонетки. Последовало длительное и звучное извержение крысиного мяса и «Третьего сорта», дополненных пылью и камешками. Охранник явно был закаленным бойцом и являлся гордым обладателем шестидюймового шрама через всю щеку. Но даже он отпрянул от такой картины, отступив на шаг и едва не направив свое оружие на дымящуюся рвоту, которая теперь украшала собой скальное основание. Он перевел взгляд с нее на Калеба. На его лице смешивались страх, сочувствие и омерзение.

- Что с тобой? - спросил он.

- Старательская хворь, - произнес Кaleb, покачиваясь и утирая рот рукой. - Она тут сейчас всю гуляет. К тому моменту, как я проезжал Конец Надежд, слегла уже половина поселения. Мой господин тревожится, что если мы задержимся слишком сильно, цепочка поставок может нарушиться. Приношу извинения, но будьте уверены, что мы...

Внезапно произошло еще одно извержение. Он его не планировал и уж точно не получил от этого удовольствия, но оно способствовало достоверности рассказа. Жаль только, что расплачивался за это его пищевод.

- Костлявый! - рявкнул Орлок, обращаясь к товарищу по банде. Его оружие оставалось направлено куда-то между Калемом и отвратительной лужей, дымившейся сбоку от вагонеток. Человек, которого звали Костлявым, явно соблюдал правила. Он покачал головой, держа дистанцию.

- Не волнуйтесь, - сказал Кaleb, наполовину вылезая, наполовину вываливаясь из вагонетки. - Оно обычно не слишком заразно, если только не соприкоснуться с жидкостями. По крайней мере, не передается от человека к человеку. Понимаете, дело в рудничной пыли.

Он кивнул в направлении шахты. Должно быть, его слова донеслись до Костлявого, поскольку тот вздрогнул и оглянулся через плечо на главный вход рудника так, будто его предали. Ближайший охранник тоже колебался. Кaleb видел, что на его лице проступает неуверенность - он пытался решить, что же делать дальше. Отрадно было отметить, что оружие теперь пребывало у него на боку. Должно быть, он вполне правильно определил, что в своем нынешнем состоянии Кaleb не представляет никакой угрозы.

- Боюсь, я не смогу помочь с загрузкой вагонеток, - произнес Калев. - Вы не возражаете, если я передохну минутку? Кажется, мне нужно прилечь.

- Заткнись! - огрызнулся охранник, вскинув оружие, но Калев видел, что это ему не по душе. Вне всякого сомнения, сейчас он переосмысливал свои ощущения и пытался понять, что означает бульканье у него в животе - паранойю, или начало чего-то более серьезного. Калев отступил на шаг, подняв руки. Не было смысла давить. Требовалось, чтобы мужчина сделал выводы самостоятельно.

Выругавшись, охранник закинул винтовку за плечо, запрыгнул в вагонетку и осторожно протянул руки в перчатках к панели управления. Колонна вздрогнула и, кренясь, въехала на прииск по импровизированным рельсам. Калев последовал за ней пешком. Впереди Костлявый, должно быть, вызвал остальную банду: из входа в шахту появились еще трое, двое охранников периметра продолжали патрулирование. Всего семеро, где двое - до сих пор неясно.

Калев осел на землю в некотором отдалении от банды, не пытаясь прислушиваться к их дискуссии. Любая попытка вести разговор могла вызвать подозрения. Кроме того, существовал всего один вариант действий. Руду требовалось перевезти, а возможность эпидемии всего лишь сделала вопрос более срочным. Тем не менее, люди спорили. Они повышали голос, и до него долетали обрывки разговора. По манере говорить было непохоже, чтобы кто-то из них являлся главарем.

В конце концов, решение было принято. Двое охранников вернулись в основную шахту, закинув оружие за плечо. Остальные болтались снаружи, время от времени бросая взгляды в сторону Калева. Тот не поднимал головы, слегка покачиваясь. В какой-то момент он приподнялся, зажимая рот рукой. Он с удовольствием заметил, что все пятеро вздрогнули.

Сперва он не увидел, а услышал - гул рудничной клетки, появляющейся из главного ствола шахты. На ней стоял компактный тягач - практически просто сиденье, установленное поверх изрыгающего дым движка. Он выволок в пепельную пустыню железный трейлер. Внутри, запаянная в прозрачные оболочки, которые размером и формой напоминали подушку, находилась розоватая руда с золотыми прожилками. Она поблескивала даже в фальшивом дневном свете подулья. Машина со скрежетом остановилась, трейлер с отчетливым лязгом въехал в нее, и его содержимое содрогнулось. Трое бандитов в ужасе вскинули руки и кинулись бранить водителя за неуклюжесть.

Калев полагал, что банда хотя бы попытается заставить его делать тяжелую работу, однако на него не обращали внимания, осторожно расставляя вагонетки около трейлера. Действуя предельно аккуратно, они приподнимали оболочки по одной - с каждой стороны по человеку, третий нервно держался посередине между ними. Процесс шел медленно, и Калев был за это благодарен. Теперь он чувствовал себя немного лучше, явно несколько прочистившись при втором выбросе, но его ноги все еще подрагивали. Впрочем, пока что все как будто работало. Когда вагонетки загрузят, они выедут с прииска, но далеко не уйдут. Буквально в сотне ярдов от входа за горой сланца будут поселенцы. Когда вагонетки доберутся до них, Иктами подорвет заряд, уничтожив лагерь. Ошеломленная банда развернется навстречу новой опасности. В этот момент Калев выведет колонну из строя, а поселенцы появятся из укрытий с оружием в руках. Оказавшись в окружении, не имея пути к отступлению и средств для перемещения руды, банда капитулирует. Возможно.

Он вздохнул, обнаружив, что жалеет об отсутствии бутылки «Третьего сорта». Столько всего могло пойти не так. Что, если поселенцы выдадут свое расположение? Что, если банда откажется пойти на попятную и укроется среди вагонеток. Он понимал ход мыслей, стоявший за планом - должно быть, это казалось дерзким и бесстрашным: вырвать победу хитростью и отвагой. Но наблюдая за работой банды,

он осознал, что это закаленные люди, хорошо натренированные и привыкшие действовать как одна команда. Они не выглядели теми, кто легко сдастся, однако отступить было уже слишком поздно. Больше же всего его беспокоило, что еще двое из них оставались непонятно где.

Эта загадка вскоре разрешилась. Пока Орлоки грузили последние остатки руды, из-за прииска вышли две фигуры. Когда они двинулись к воротам, один из охранников периметра вскинул руку, и передняя фигура ответила тем же, но что-то в этом жесте встревожило Калеба. Ощущение усилилось из-за второй фигуры, у которой на плечи было закинута что-то тяжелое. Калев попытался убедить себя, что это может быть что угодно – возможно, припасы, или ящик «Бешеной змеи», чтобы отпраздновать славно проделанную работу. Однако когда они приблизились, стало сложно отрицать, что тот тащит тело.

Банда тоже это заметила. Закончив трудиться, они рассредоточились по баррикадам, прикрывая все углы подхода. Калев наблюдал за тем, как они достают из кобур оружие, и его накрывало ощущение тошноты, никак не связанное с безрассудствами прошлой ночи. Он держал голову опущенной, словно развитие событий либо проходило мимо него, либо не беспокоило. Напряжение нарастало, и он знал, что лучший шанс выжить – выглядеть как можно более несущественным.

Двое опоздавших зашли на прииск. Они были одеты в том же стиле, что и остальные члены банды: наплечники с шевронами, трехчетвертные шинели и бронированные щитки на запястьях. Однако идущий впереди держался иначе, охватывая своим вниманием весь лагерь и дотошно изучая каждую деталь работы банды. Мысленно Калев не сомневался, что это предводитель Гранитных Лордов: человек с подозрительной кличкой Красная Шапка. Тот сделал жест рукой, и его спутник с ворчанием уронил тело. Оно шлепнулось на камни, раскинув руки и уставившись в небо пустым взглядом мертвых глаз. Человек не показался Калебу знакомым, но он находился слишком далеко, чтобы понять наверняка.

Красная Шапка что-то сказал одному из подчиненных. Тот пожал плечами и ткнул большим пальцем в сторону Калеба. Главарь банды бросил на него взгляд, сохраняя непроницаемое выражение лица. Повернувшись спиной, что-то неслышно пробормотал, после чего махнул Калебу рукой, приглашая подойти. Ощущение тошноты усиливалось.

Калев не спеша поднялся на ноги и побрел нетвердой походкой, как будто мог в любой момент упасть, тем временем отчаянно пытаясь понять, что же происходит. Вся банда находилась на виду, а труп не носил их цветов, будучи облачен в оливково-зеленую шинель. Мог ли это быть какой-нибудь наемник, которого наняли разведать местность? Или кто-то из местных оказался чересчур нетерпелив, за что в итоге и поплатился?

Приблизившись, Калев исключил последний вариант. Труп явно принадлежал чужаку. Его защита была состряпана из литейной брони и кусков кольчуги. Прилизанные маслянистые волосы обрамляли рябое лицо с выпученными глазами и ртом, где виднелись гнилые зубы. Ему перерезали горло, и на мгновение Калев подумал об Иктомии и ее длинном охотничьем ноже, но рана была лишена присущей ей точности. Убийца полоснул от ключицы до щеки, и глотку как будто вскрыл голодный миллиазавр. Человек умер если и не без боли, то быстро.

Красная Шапка улыбнулся Калебу. Это даже отдаленно не ободряло.

– Стало быть, ты представитель гильдии, – произнес главарь банды. – И я слышал, в округе гуляет какая-то болезнь? Половина поселения слегла?

Калев кивнул.

- Старательская хворь.

Его голос больше не звучал убедительно, но Красная Шапка понимающе кивнул, словно выдуманная болезнь являлась хорошо известным ему недугом.

- Что ж, желаю всем скорейшего выздоровления, - сказал он. - Особенно Камню. Я очень уважаю этого человека. Все мы.

Калев кивнул. Он чувствовал, что бандиты занимают позиции вокруг. Красная Шапка продолжал наблюдать за ним. Он попытался изобразить что-то среднее между лихорадкой и беззаботностью, но сомневался, что вышло особо убедительно.

- А ты тот смелый человек, вызвавшийся совершить путешествие из Крэкрока? - продолжил Красная Шапка. - Или ты базируешься где-то поближе? Кто твой работодатель?

- Солиас Удачливый, - ответил Калев. Голос прозвучал выше, чем ему хотелось бы. - Я думаю...

- А, ну конечно. Хорошо его знаю, - произнес Красная Шапка, положив руку Калебу на плечо и сжав его совсем немного сильнее, чем нужно. - Скажи-ка, раз уж ты из тех парней, кто успел попутешествовать и всякого повидать, то, может быть, сумеешь помочь нам опознать кое-что, найденное в пустошах?

Приобняв Калеба, он подвел его к телу.

- Не встречался тебе? - спросил Красная Шапка.

- Никогда прежде его не видел, - искренне отозвался Клев.

- Ну, между нами, - проговорил Красная Шапка, притянув Калеба чуть ближе, - мне кажется, что он чужак. Кто-то, пришедший заварить неприятности между моими парнями и замечательными людьми из Конца Надежд.

Он покачал головой, словно сама эта мысль привела его в ужас.

- Вот чего чужаки никак не поймут, - продолжил он. - Это территория Орлоков. И всегда будет территорией Орлоков. Неважно, что Железная Корона пала. Мы из Дома Железа, и мы держимся вместе. Вот почему жители Конца Надежд столь щедро согласились снабдить нас рудой, которая нам необходима для продолжения кампании против других домов. Нам не нужно, чтобы кто-то подрывал положение дел. Понимаешь?

- Разумеется.

- Но потом я задаюсь вопросом: если это чужак, то почему он мертв? - двинулся дальше Красная Шапка. - Никто из моих парней его не убивал. Я бы понял, если бы он начал искать проблем, а кто-нибудь из поселения всадил в него пулю, и я всецело поддержал бы их в этом, но перерезать горло? Это не защита своей территории, это работа убийцы, причем неаккуратного.

Он повернулся к Калебу, продолжая фальшиво улыбаться.

- Знаешь, что мне это напоминает? Как наконец-то угомонили Парней с Дурной Скалы. Они были не самыми умными, но чертовски крутыми. Я ненавидел этих ублюдков. В последний раз, когда мы сцепились, Костолом убил двоих моих ребят - просто сломал их, будто игрушки. А потом мне однажды рассказывают, что всех шестерых членов банды зарезали за один ночной цикл. Костолом оставался

последним, и в итоге попросту истек кровью из дюжины ран. Услышав эти новости, я ликовал. Мы все ликовали.

Он сделал жест в направлении остальных бандитов. Те кивнули, не сводя взглядов с Калеба.

- Само собой, порой такое оказывается просто рассказами, - продолжил Красная Шапка. - Мне захотелось удостовериться. Так что я вник в дело, получил парочку свидетельств от людей, которые тогда там присутствовали. Даже повстречался кое с кем, видевшим тела. Конечно же, я просто обязан был узнать, кто за это в ответе. Оказалось, что парень по имени Калев Пропаций, якобы девятый по опасности человек в подулье.

Он ухмыльнулся, сунул руку в карман и развернул потрепанный ордер. Изображение выцвело, а объявление о награде было оторвано, но Калев не мог отрицать сходства.

- Я... это, я не...

Калев почувствовал, как кто-то схватил его за руки, удерживая их на месте. Красная Шапка разжал хватку на его плече, отступил на шаг и вынул из кобуры свой стаббер.

- Похоже, наш мертвый друг разыскивал тебя, - произнес он. - Какая жалость. Приди Калев Пропаций ко мне в тот день, когда он прикончил Парней с Дурной Скалы, я бы хлопнул его по плечу и всю ночь угощал выпивкой. Просто хочу, чтобы ты знал: ничего личного.

- Вы не того взяли, - проговорил Калев. - Я тут проездом. Мне не нужны неприятности.

- Слишком поздно, - сказал Красная Шапка, направляя на него оружие. - Жалко. Хотел бы я узнать, что на самом деле случилось с Парнями с Дурной Скалы. Теперь, повстречав тебя, никак не могу представить, чтобы ты уложил старину Костолома с одним только клинком. Непохоже, чтобы у тебя был этот инстинкт убийцы.

- У меня его и нет, - произнес Калев. - Как правило, он мне не нужен.

В глазницу бандита, державшего Калеба, врезался метательный нож.

В то же мгновение на прииске грохнул взрыв, от которого более крупное строение охватило пламя, а банду окатило обломками металлолома. Красная Шапка пошатнулся от ударной волны, и его выстрел просвистел возле уха Калеба. Калев быстро сунул руку под пальто. У него под ногами запрыгала удушающая граната, и их окутало облако аметистово-фиолетового дыма.

- Почему никто его не обыскал? - взревел Красная Шапка, пока Калев мчался к колонне вагонеток, однако его голос вскоре потонул во втором взрыве. Уцелевшая постройка лопнула, словно угодившая в дробилку крыса, и во все стороны разлетелись куски проржавевшего железа. Что-то ударило Калеба в плечо, заставив его потерять равновесие. Пошатнувшись, но не остановившись, он запрыгнул в ближайшую вагонетку и присел среди мелеритистой руды. Он вытащил свой лазпистолет и сделал пару выстрелов примерно в сторону газового облака. Фильтрующие затычки уберегли его от худших эффектов, но голова все равно кружилась. Снаружи прииска слышалась пальба - поселенцы пытались прикрыть его огнем. Однако они были не на своих местах. Или, точнее, это он был не на своем месте. Прииск оставался крепостью.

По вагонетке позади него замолотил град пуль. Калев пригнулся, и другие выстрелы прошли у него над головой. Он рискнул выглянуть. Приближался один из охранников периметра со вскинутым

автопистолетом. За спиной мужчины из мусора возникла тень и устремилась к нему. Тот успел лишь обернуться, прежде чем Иктоми вонзила свой нож ему в грудь. Не сбавляя ход, она выхватила из рук умирающего оружие и побежала к Калебу.

В пепельный песок рядом с ней врезался болтерный заряд, взрывом ее бросило наземь. Падая, она перекатилась и оказалась на ногах. Кaleb резко повернул голову. Из дыма возникали Орлоки в надвинутых очках и надетых респираторах. Атаку возглавлял Красная Шапка, державший свой болтер наготове для второго выстрела.

Кaleb приподнялся, беспорядочно стреляя. Он продырявил одному из бандитов бедра, и человек с криком повалился в пепел. Остальные крутанулись, готовясь палить в ответ, но их притормозило отрывистое распоряжение Красной Шапки. Кaleb не смог разобрать их разговор, но когда они открыли огонь, выстрелы производились контролируемые очередями и в основном проходили над головой. Его взгляд опустился на тщательно запакованную мелеритистовую руду. Они боялись попасть по ней. Не то чтобы это играло какую-то роль – им требовалось лишь продолжать не давать ему высунуться. Он выругался, сообразив, что следовало двигаться к ведущей вагонетке. Та находилась по меньшей мере в тридцати футах, и у него не было ни единого шанса добраться до нее.

На дальнем конце вагонетки слышались приближающиеся знакомые шаги.

Иктоми.

- Хороший план, - крикнула она в перерыве между очередями.

- Не моя вина, - отозвался Кaleb - Они нашли в пустыне какого-то парня с перерезанной глоткой и моим изображением в кармане. Ты часом ничего об этом не знаешь?

Ее ответ потонул в очередной пальбе. Прослеживалась схема: короткие очереди для экономии боеприпасов, но достаточно плотные, чтобы не оставалось шанса попытаться сбежать.

Они удерживали его на месте. Впрочем, это была часть из них. Остальные, должно быть, выдвигались на позиции, обходя их с флангов.

Иктоми выставила поверх вагонетки трофейный автопистолет и стреляла вслепую, возможно, надеясь хотя бы замедлить их наступление. Ему показалось, что он слышит и выстрелы снаружи прииска - местные явно пытались поддержать их огнем. Однако снаружи стен располагалась простреливаемая зона, пара тяжелых стабберов могла сдержать целую армию. Сколько там оставалось бандитов, шестеро?

Он рискнул бросить еще один взгляд, всматриваясь в пыль и дым от тлеющих остатков построек. Двое Орлоков находились за баррикадой, вместе с ними был их раненый товарищ. Один из них снова дал очередь, и Кaleb пригнулся, посмотрев на главный вход. Еще двое не подпускали поселенцев; остальные, должно быть, обходили их.

Опять выстрелы. На сей раз слева. На дальнем конце он услышал ответную пальбу Иктоми. Непонятно было, попадает ли она куда-нибудь. Он ничего не видел, пока оставался заперт в вагонетке.

А, пропади оно все.

Он метнулся вверх, нечаянно перепрыгнув через борт вагонетки. Ливень пуль чиркнул его по пяткам и пробил в пальто вереницу дырок. Он тяжело приземлился и обдумал, не остаться ли здесь. Возле него,

прижавшись к вагонетке, Иктоми прикрывала левый фланг. Он глянул направо, ожидая, что из дыма появится второй нападающий, но там никого не было.

Он ошибся в расчетах?

Рядом с ним Иктоми выпустила очередной град пуль, но теперь, находясь снаружи вагонетки, он услышал и другой звук: громоподобный гул, пульсация которого расходилась по пеплу. Ему уже доводилось такое слышать. Клеть двигалась. Из шахты что-то приближалось.

Вжавшись в землю, он пополз, вперивая взгляд между вагонеток и пытаясь рассмотреть основной ствол рудника. Прииск был усыпан разбитыми остатками построек. Пожар потух, но над обломками клубился дым. Он так и не мог разглядеть вход, однако гул прекратился. Клеть остановилась.

А затем он увидел это: тяжело движущуюся к нему тень. Та втрое превосходила человека ростом и практически настолько же – в ширину. Ее плечи были широкими, но сгорбленными, как у обезьяны, передние конечности почти касались земли при каждом шаге. В дыму что-то сверкнуло. Он заметил ряд янтарных сенсорных блоков, поблескивавших, словно паучьи глаза.

Рядом возникла Иктоми, избавившаяся от оружия. Ее лоб кровоточил. Раньше он этого не заметил.

- Готов, – произнесла она, кивнув себе за спину, а затем увидела выражение его лица. – В чем дело?

Он указал пальцем. Дым редел, и этого было достаточно, чтобы разглядеть тварь, которая надвигалась на них, игнорируя побоище вокруг. Она не являлась созданием из плоти и крови – ее тело представляло собой извращенную конструкцию из стали и сервоприводов, защищенную ржавым железным панцирем. Плечи были украшены шевронами. Передние конечности заканчивались массивными клешнями, достаточно мощными, чтобы крушить камни, и окруженными гудящими пилами. Под утыканным сенсорными лицевым щитком пощелкивали стальные мандибулы. Остроты лезвий хватало, чтобы отсекал конечности.

Позади автомата он кое-как мог разглядеть Красную Шапку, который орал приказы и ругательства. Монстр обращал на его слова мало внимания, однако направлялся напрямик к ним, шагая сквозь догорающие обломки так, будто это был всего лишь слив из дренажной трубы.

- Что это за тварь? – спросила Иктоми, пока машина приближалась. У нее на пути находилась одна из импровизированных баррикад Орлоков. Создание подняло когтистую лапу, зашипел встроенный в ладонь мелта-блок. Жар обрушился на баррикаду, и та засветилась, став красной, затем желтой и, наконец, белой, а сталь начала растекаться, словно воск. Машина спокойно прошла сквозь нее; раскаленный металл капал с бронированного корпуса, не причиняя вреда.

Иктоми выругалась на языке крысокожих. Кaleb обернулся к ней, регулируя надстройки своего лазпистолета.

- Это землеройный автомат типа «Лютор», модель С/21, – произнес он, стараясь сохранять голос ровным. – Неофициально известен как амбот. Обычно используется для извлечения руды, время от времени привлекается для боевых задач. Очень мощный, очень прочный, идеально подходил бы как для горных работ, так и для убийства, если бы не крошечный изъян конструкции. Чтобы его отключить, нужен всего один меткий выстрел.

Он сделал глубокий вдох. Громадный автомат приближался. Стоит ему добраться до вагонеток, и их укрытие перестанет что-либо значить. Чтобы нейтрализовать чудовище, у него был всего один шанс.

Значение имел только выбор момента. Он должен был добиться результата.

Дождавшись, пока машина не окажется на расстоянии дюжины шагов, он вскочил, не обращая внимания на выстрелы, которые со звоном отскакивали от стали вокруг него. Его внимание было сосредоточено на соединительном разьеме сразу под левым сенсорным блоком амбота. Тот был шириной всего в палец.

Он вдавил спуск.

Заряд попал в цель. Машина мгновенно замерла, медленно опуская голову, пока свет в искусственных глазах понемногу гас. Находившийся рядом с ней Красная Шапка вытащил было пистолет, намереваясь стрелять в ответ, но замешкался, когда его железный громила остановился. Он нырнул под прикрытие машины, крича на нее. Его кулак скользнул по бронированному сочленению ноги. Похоже было, что амбот не заметил удара, равно как и всего остального.

Калев ухмыльнулся Иктами, дуя в ствол лазпистолета.

А затем мандибулы машины щелкнули – один раз, потом еще один. Сенсоры вдруг вспыхнули алым светом. Она выпрямилась, обводя прииск взглядом, как будто видела его впервые, а потом уставилась на Красную Шапку. Установленные на запястье пилы зажужжали.

- А! – вздрогнув, произнес Калев. – Если так подумать, то это, кажется, модель В/34.

- Это плохо? – поинтересовалась она.

- Кое для кого плохо.

Машина вскинула кулак и небрежно ударила Красную Шапку тыльной его стороной. Из груди того брызнула кровь, он взлетел в воздух и врезался в баррикаду где-то в десяти футах от них. Он не шевелился.

Калев схватил Иктами и заставил ее пригнуться. Машина повела сенсорами поверх них, выискивая себе новую добычу. Щелкая мандибулами, она повернула голову, после чего ее немигающий взгляд остановился на двух бандитах, которые создавали огневое прикрытие. Она сделала пару нетвердых шагов в их направлении, а потом сорвалась на скачущий бег. Заградительный огонь из автоматов совершенно ее не останавливал.

- Почему оно это делает? – прошипела Иктами, пока машина неслась к паникующим бандитам.

- Должно быть, я повредил ему черепные ограничители, – сказал Калев.

Она нахмурилась, не понимая, что он имеет в виду.

- Ту штуку у него в голове, которая держит его под контролем, – пояснил он. – Теперь это просто животное. Оно убьет их, нас и все остальное, что сможет найти.

Она беспомощно уставилась на него, все еще не понимая.

- Зачем? – проговорила она. – Зачем делать машину, которая пойдет против хозяина?

- Это не просто машина, – произнес он. – Оно живое. Или отчасти живое. Я сам точно не понимаю. У него механическое тело, но внутри оно... корпус сооружен вокруг какого-то ксенозверя. В естественных условиях они явно весьма норовистые. Я повредил то, что сохраняет существо послушным.

Они слышали вопли, время от времени перемежаемые автоматными очередями, которые становились все малочисленнее и реже.

- Это животное, - сказала она, наблюдая за резней через просвет между вагонетками. - Оно живое?

- В каком-то смысле.

- Тогда мы можем его приманить. И можем убить, - произнесла она. - У тебя есть еще бомбы?

- Парочка, - ответил он, вручая ей две последние крак-гранаты. Сунув их в заплечный мешок, она низко пригнулась за колонной и стала пробираться в направлении шахты. Он поискал оружие - что-нибудь с большей останавливающей мощностью, чем его пистолет. Ничего не было.

- погоди! - закричал он, но она уже пропала, мчась не к машине, а ко входу рудника. Уцелевшие бандиты разбежались, наименее расторопных уже схватил амбот. Один заметил ее и вскинул оружие. Калев открыл огонь, и бандит нырнул в укрытие под градом лазерных зарядов.

Амбот медленно сдирал плоть с костей, кромсая бандита на неровные куски своими окровавленными мандибулами. В своих попытках кормиться он выглядел бы почти что жалко, не болтайся у него в челюстях человеческие останки. Иктами добралась до входа, и машина заметила ее, наклонив голову и отслеживая движение. Из-под лицевого щитка с шипением пошел пар.

Она уронила изломанного бандита.

Иктами развернулась навстречу амботу, стоя перед самой клетью, среди лесов из несущих балок. Она обнажила нож, хотя Калев совершенно не представлял, что она собирается делать с его помощью. В другой руке она сжимала мешок с гранатами.

Она что-то выкрикнула, слова были ему незнакомы. Что бы она ни сказала, это привлекло внимание амбота. Тот устремился напрямик к ней, сорвавшись на гроыхающий бег и жужжа пилами в предвкушении. Ему оставалось до нее всего несколько футов, когда она пришла в движение, поднырнув под щелкающими клешнями, намотав на запястье машины мешок с гранатами, а затем вонзив той нож в коленный сустав. Клинок сломался, но этого хватило, чтобы амбот потерял равновесие. Машина пошатнулась, для опоры хватаясь своими когтистыми конечностями за несущие балки, и в этот момент гранаты взорвались, взметнув облако дыма и камней. Иктами уже отдалилась от входа, но ее швырнуло на землю ударной волной. На мгновение вход замер в скособоченном состоянии, леса погнулись от взрыва и ярости чудовища.

Гора над ними содрогнулась.

А затем из основного ствола рудника изверглась лавина пыли и камней, поглотившая амбота. Шахту завалило. Иктами успела подняться на ноги и двигалась, когда на нее обрушился вал пепла, и она скрылась из виду. Калев тоже побежал, бросив свое убежище за вагонетками, которые окутало облако пыли. Он продолжал бежать даже когда оно поглотило и его, пока воздух не стал глиной, а все не погрузилось во мрак. Он не мог вздохнуть, грудь сдавливал груз камней и пыли.

Однако пальцы ощутили дуновение воздуха. Выход.

Он забарахтался, выбираясь из темноты, задыхаясь, и вырвался на волю. Воздух был полон пыли, баррикады, вагонетки и все остальное поглотил пепел. Не было видно никаких следов Иктами, даже места, где ее засыпало.

Затем в земле что-то шевельнулось. Цепкие пальцы, за которыми из земли вытянулась сперва кисть, затем рука - и Иктоми прорвалась на свободу. Она судорожно вдохнула, силясь освободить вторую руку, но ту крепко придавило камнями.

Калев с трудом поднялся и нетвердо побежал, намереваясь выволить ее.

Именно это его и спасло.

Болтерный заряд просвистел мимо, разорвавшись о стену лагеря. Калев крутанулся к стрелку, но потерял опору под ногами и повалился на колени. Перед ним из облака пепла возник Красная Шапка. Орлок едва держался на ногах, прижимая левую руку к своему боку. Между пальцев сочилась кровь, окрашивавшая его нательную рубашку багряным. Однако его правая рука продолжала сжимать оружие, которое теперь было направлено точно в грудь Калебу. Он дышал мелкими глотками. Удар амбота, вне всякого сомнения, переломал ему ребра, но он пытался что-то сказать - возможно финальные слова перед тем, как нажать на спусковой крючок.

Выстрел сделали из-за пределов прииска. Он был беззвучным, пока не попал в цель. Лазерный импульс пронзил магазин болтера. Взрыв получился сравнительно небольшим, но его оказалось достаточно, чтобы оторвать Красной Шапке руку от плеча. Стоило отметить, тот не упал, а восстановил равновесие и с непонимающим выражением уставился на образовавшуюся культю. Второй выстрел пробил ему дыру в виске. Этот взрыв был еще меньше - хватило ровно настолько, чтобы Калеба забрызгало кровью и мозговой тканью.

Калев попытался встать и потерпел неудачу. Он вдруг ощутил себя очень уставшим. Он бросил взгляд на Иктоми, которая до сих пор пыталась выкарабкаться наружу. Вдалеке было слышно, как поселенцы приближаются к разгромленному прииску, шахту и все оборудование которого погребли под собой пепел и камни.

- Видишь? - произнес он с едва заметной улыбкой. - Я же говорил тебе, что сработает. Мы герои.

5

Элисса наблюдала, как поселенцы ворвались на прииск. Они разошлись по сторонам, оценивая хаос. Дым уже редел, взрыв похоронил последние обломки, но в воздухе до сих пор висело много пепла. Калев лежал, распростершись в пыли. Его поделница неподалеку рыла землю, будто животное, пытаясь выбраться на свободу.

Элисса устало вздохнула. Едва не произошла катастрофа.

Она слишком расслабилась. Красная Шапка успел зайти на прииск, прежде чем она осознала, что его подчиненный тащит тело Ларса. Она оставила того лежать рядом с поселением, рассчитывая, что кто-нибудь из местных обнаружит его, а также выданный на Калеба ордер. Это должно было стать первым этапом ее плана обратить поселенцев Конца Надежд против него.

Она схватилась за винтовку, но еще до того, как она смогла выстрелить, прииск сравняла с землей серия взрывов. В разворачивавшемся хаосе она потеряла Калеба и заметила его снова, лишь когда он сошелся с обезумевшим шахтерским роботом. С момента спуска в глубины улья Элисса повидала разные неприятные вещи, но мало какие из были настолько тяжелыми, как вид машины, пытающейся сожрать

бандита заживо.

Но потом появилась она. Крысокожая.

На глазах Элиссы поселенцы подбежали к той, пока она все еще пыталась выбраться из пыли. Они схватили ее за плечи, таща наружу, но она вывернулась у них из рук, схватила ближайшего поселенца за предплечье и крутанула его за спину. Послышался хруст. Человек заорал. Остальные навалились на нее, прижимая к земле весом своих тел.

Элиссе доводилось слышать истории. Не только те, что рассказывались в притонах подулья, но еще и свидетельства очевидцев и выживших. В нескольких говорилось о сообщнице Калеба, девушке из крысокожих, которую редко видели и еще реже слышали. Никто не знал, как ее зовут, да и вообще мало что знал о ней сверх того, как неуютно ему было в ее присутствии. Элисса могла лишь предполагать, что крысокожая была ответственна за взрывы и как минимум за часть потерь. Но она знала точно, что именно эта девушка встала перед покрытым кровью амботом, имея при себе только нож и парочку крак-гранат, но все равно каким-то образом взяла верх.

Поселенцы уже заковали ее в цепи и волокли прочь с прииска. Двое других схватили Калеба, заломив ему руки за спину, хотя и не было похоже, чтобы он особо сопротивлялся.

Элисса понимала, что ей повезло. Возможно, она и спасла Калеба от Красной Шапки, но до того было с дюжину эпизодов, когда его могла убить шальная пуля, и Элисса сомневалась, что смогла бы как-то остановить беснующуюся машину.

Она услышала, как ее наруч щелкнул, сигнализируя, что наконец-то установил связь со Шпилем. Поприветствовавший ее образ был нечетким – выцветшим наброском в мерцающем голубом свете. Это было не лицо женщины, с которой она пыталась связаться.

- Где леди Хэрроу? – спросила она.

- Ее светлости нездоровится, – ответил голос. – Однако она поручила мне заниматься вашими потребностями. Чем могу помочь, моя госпожа?

- Мне требуется информация по автомату. Высылаю описание. Мне нужно знать, как он называется, как работает, есть ли слабые места. Пришлите мне все, что сможете найти. Я не желаю рисковать и сражаться с подобным чудовищем, не узнав о нем побольше.

- Как прикажете, – отозвался голос.

Не произнеся более ни слова, она отключила изображение. До леди Хэрроу опять было не достучаться. Она знала, что слуга в состоянии выполнить ее запрос и сделает это вне зависимости от того, поговорит она с леди Хэрроу, или нет. Но ей все равно надоело, что ее игнорируют.

И все же, события в конечном итоге развернулись в ее пользу. Калеб уже тоже находился в цепях, готовясь к встрече с правосудием поселения. Она задумалась, как его накажут. Возможно, бичеванием или заточением? И то, и другое вполне ей подходило.

Но вот крысокожая могла стать проблемой. Элисса подумала, что лучше бы избавиться от нее поскорее.

Это была не худшая камера из тех, где ему случалось оказаться.

В целом здесь было чисто, если не считать пепла. Или следов крови. Однако даже они казались традиционными – такой же характерной чертой камеры, как высеченные в скале стены или стальные прутья толщиной в два дюйма, обеспечивавшие безопасность двери камеры. Если не считать зарешеченного окна, которое выходило на главную площадь, единственным источником света являлась заляпанная флюоресцентная лампа, подвешенная в пятнадцати футах над ними. В углу стояло ржавое железное ведро, которым, к счастью, никому из них еще не потребовалось воспользоваться. Единственная оставшаяся достопримечательность представляла собой железное кольцо, сваренное непосредственно в сам пол. Оно было даже толще, чем прутья, а его поверхность потускнела, но не утратила прочности.

Калебу, равно как Иктоми, открывался великолепный вид на это кольцо. Причина заключалась в том, что они были пристегнуты к нему цепью. Их руки сковывали тяжелые кандалы, достаточно мощные, чтобы удержать представителя дома Голиаф. Замки были такими же массивными, в скважину почти мог пройти палец. Он быстро отбросил попытки удерживать вес оков и теперь лежал на полу, уставившись на мерцающую лампочку. Иктоми сидела возле него, скрестив ноги и положив руки на колени. Ее левая рука была перевязана, а костяшки на ней разбиты.

На протяжении первого часа она изучала камеру, осматривая каждый прут и каждый фут камня в поисках хоть одного изъяна или уязвимости. Теперь она не двигалась.

Калев возражал, упраскивал, даже пустил в ход некоторые смутные угрозы. Поселенцы не вняли ничему из этого. Он пытался кричать в коридор, снова изображая болезнь, и обдумывал, не затеять ли драку с Иктоми, чтобы привлечь внимание охранника. Приняв во внимание ее нынешнее настроение, он решил придержать это в качестве последнего варианта.

- Ну? – произнес он, устремив взгляд вертикально вверх. – Есть идеи, как нам выбраться?

Она не ответила, даже не дала понять, что услышала его слова. Она ничего не говорила с тех пор, как они оказались в тюрьме.

- Ну хорошо, – вздохнул он. – Я знаю, что ты хочешь сказать. Нам следовало не высовываться.

Молчание.

- В смысле, *мне* следовало не высовываться, не ввязываться в местные разборки.

Опять молчание. Это казалось ему неоправданным – дела в общем шли не *настолько* скверно. Они были живы и по большей части невредимы. Он точно впутывал их и в худшие ситуации. Сейчас никто не пытался принести их в жертву на алтаре из мусора или скормить сточным медузам.

- Впрочем, это бы сработало, – продолжил он, будучи не в силах остановиться. – Они загружали вагонетки и были готовы отправляться. Красная Шапка ни за что бы меня не опознал, не найди он то тело. Этого я в плане учесть не мог.

Молчание. Вот только это была не полная тишина. Иктоми приглушенно выдохнула. Звук был не настолько громким, чтобы с уверенностью назвать его вздохом.

- Ладно, – сказал он, закатив глаза. – Но опять же, не моя вина, что за наши головы назначена награда. Я не убивал обитателя верхнего улья. Я не калечил его тело. И это *не я* вечно пытаюсь решать наши проблемы, тыкая в людей ножом.

Она яростно посмотрела на него. На мгновение он задался вопросом, не это ли выражение лица ее враги видели непосредственно перед тем, как она выпускала им кишки. Хотя, с другой стороны, обычно она выглядела куда спокойнее, когда убивала людей – практически безмятежно.

- Я спасла тебе жизнь в Шпиле, – произнесла она. Ее голос резал, будто лезвие стилета. – И я не убивала охотника за наградой.

- Я и не говорил, что это ты.

- Ты обвинял меня.

- Я тебя спрашивал, – отозвался он. – *Спрашивал*, не ты ли его убила. И учитывая, что он охотился за нами, а кто-то подкрался к нему сзади и перерезал горло, это представляется мне резонным предположением... В смысле, вопросом.

- Ну, это была не я. Его убил кто-то другой.

Калев обдумал это, барабанил пальцами по железным наручникам.

- Ты уверена? – спросил он. – Если вдуматься, то мысль о том, что ему перерезал горло кто-то другой, не кажется мне особо ободряющей. Может быть, ты его убила какое-то время назад, а потом это вылетело у тебя из головы?

- Или, может быть, это был тот же убийца, который подстрелил Красную Шапку.

- Я думал, это был прикрывающий огонь одного из шахтеров?

Она покачала головой.

- Выстрел сделали не с той стороны, и ни у кого из поселенцев не было лазерного оружия.

- Может, ты не заметила. Ты была слегка рассеяна.

- Да, – согласилась она. – Потому что за нами кто-то охотится.

- Но теперь он мертв. И если сказанное тобой верно, то больше похоже, что за нами кто-то приглядывает.

- Или кто-то хочет забрать награду себе. Может, живой ты стоишь больше.

- Всегда так и думал, – произнес он. – Но большинство людей, которым я не нравлюсь, как правило с этим не согласны.

- Их можно понять.

По ту сторону прутьев мелькнул свет. Открылась дверь – он услышал скрежет металла по камню. По коридору разнеслось эхо поступи, звучащее странно нестройно, как будто каждый второй шаг был тяжелее и целеустремленнее.

Калев со второй попытки поднялся, выпрямившись, насколько это было в его силах. Кандалы впились ему в запястья. Он кивнул Иктами, подавая той знак тоже встать. Она проигнорировала его.

На прутья упала тень.

- Ты очень расстроил многих людей.

Снаружи камеры на них пристально смотрел Камень. Его лицо выглядело мрачным, хотя отчасти причиной этого мог быть кровоподтек вокруг левого глаза, где кожа стала лиловой и опухла.

- Мы позаботились о Гранитных Лордах, - сказал Калеб. - Как и договаривались. В основном.

Камень приподнял здоровую бровь.

- Вот как?

- Более-менее.

- Насколько я помню, уговор состоял в том, что не прольется кровь, - отозвался Камень. - Двум моим людям зашивают раны, у третьего сломана рука, а малолетку подстрелили в живот, и ему повезло, что он еще жив. Впрочем, он еще не выкарабкался, остается риск инфекции.

- Нам жаль это слышать. Правда.

- Гранитные Лорды тоже все мертвы, насколько мы можем судить. Точно не узнаем, пока не откопаем их. Печальный конец для этих парней.

Настал черед Калеба принять озадаченный вид.

- Эти парни вас грабили.

- Может и так, - произнес Камень. - Но они делали лишь то, что им нужно было делать, чтобы выжить. Кроме того, здесь когда-то была территория Орлоков. Пусть они и ушли после обвала, а мы с тех пор пускали к себе всяких людей, но члены Дома Железа не забывают, и верность присуща нам от рождения. Когда мы наткнулись на мелеритистовую жилу, а эти парни пришли ее прибрать, некоторые из нас подумали, что они в своем праве, и нам не следует давать им бой.

- А ты?

- Нет, - признался тот. - Но это не значит, что я хотел их смерти, и я уж точно не думал, будто нам следует рисковать жизнью и драться с ними. Но потом появился ты со своей маленькой речью, как перехитришь их и освободишь нас от угнетателей, а всем так хотелось, чтобы их убедили.

Он оглядел Калеба сверху донизу.

- Не знаю, как ты это делаешь. Но у тебя настоящий дар заставлять людей считать тебя достойнее, чем ты есть на самом деле.

- Мне жаль, что пострадали люди, - сказал Калеб, встретившись взглядом с пожилым мужчиной. - Но риск имелся всегда. Ты должен был это понимать.

- Да, я понимал, - кивнул Камень. - И если бы все остальное прошло хорошо, то я, наверное, смог бы с этим смириться. Но оно не прошло.

Он со вздохом пододвинул к себе стул, развернул его и уселся, положив одну руку на спинку, а другой рассеянно массируя свое правое колено.

- Тебе известно, как образуется мелеритист? - поинтересовался он.

Калев не ответил. Похоже было, что вопрос состоял в другом.

- У минерала есть кора, - продолжил Камень. - Как скорлупа яйца сточного крокодила, но даже толще. Снаружи он инертный и бесполезный, но если залежи достаточно крупные и оболочке хватает толщины, то в середине порой получается маленькая жемчужина, похожая на драгоценный камень. Все еще бесполезная, как по мне, если только не пропустить через нее в точности необходимый разряд. Тогда камень искрится. Думаю, этого вполне достаточно, если тебе нравятся такие штуки. Богатые люди в верхнем улье много заплатят за по-настоящему чистый самоцвет. Я так понимаю, они их вставляют в украшения или что-то в этом роде.

Он пожал плечами, словно никак не мог уразуметь здесь рационального мотива.

- Если долбить камень ради одной сверкающей безделушки, состояния не сколотить. Но если наткнулся на крупную жилу... Это вдруг оказываются настоящие деньги, если сможешь до них добраться. Конечно, извлечение вещества - тонкая работа. Стоит разбить скорлупу, как малейшая грязь может погубить все внутри.

- Оползень... - прошептал Калев. Его накрывало жуткое чувство, будто он тонет.

- Вот именно, - кивнул пожилой мужчина. - Весь мелеритист. Все деньги. Пропали. Похоронены в пыли. Мы уже начали раскопки в надежде, что что-нибудь можно спасти. Может, нам повезет.

Похоже, он не питал надежд, и вдруг стал казаться меньше.

- Не мы устроили оползень.

- О? - Камень нахмурился. - Это не твои гранаты взорвались?

- Ну да, - уступил Калев. - Но это наша вина лишь отчасти. В основном дело в амботе.

- Амботе?

- Ага, это вроде...

- Я из Орлоков, Дома Железа, - ледяным голосом отозвался Камень. - Я в курсе, что такое амбот.

- А, ну так вот: шахтеры, должно быть, использовали его, чтобы выкапывать руду - так они и закончили настолько быстро. Когда мы...

- Где он?

- Кто?

- Амбот. Где он?

- Засыпан? - предположил Калев. - Возможно, он прорыл себе путь наружу и ушел. Я не знаю.

- Что ж, когда он прорвет себе путь назад, тогда мы можем и пересмотреть ситуацию. До тех пор мне решать, что мы будем с вами делать.

Он поочередно оглядел их, постукивая пальцами по спинке стула.

- Уверен, мы можем оказаться полезнее за пределами этой камеры, - начал было Калев. - Я буду рад...

- Нет, - произнес Камень, качая головой. - Рад ты не будешь. Как только увидишь, в чем заключаются твои обязанности. Когда-нибудь раньше работал в расчистной бригаде?

- Не имел удовольствия.

- Значит скоро научишься. - Пожилой мужчина поднялся со сиденья. Распрямляя колено, он слегка скривился, и Калев услышал отчетливый визг сервоприводов. Он отцепил от пояса увесистый комплект ключей и отпер дверь. Решетчатая дверь со скрежетом открылась, протестующе заскрипев по каменному полу. Тюремщик зашел в камеру, все так же издавая при ходьбе неодинаковое эхо. Он приблизился к Калебу и напоследок обвел того глазами. Затем расстегнул кандалы. Те упали на пол, издав приятно громкий лязг. Калев потер запястья. Это мало чем облегчило неприятные ощущения тех местах, где металл врезался в плоть, но существовала и такая вещь, как заведенный порядок.

Он выжидающе повернулся к Иктоми. Та продолжала сидеть на полу, скрестив ноги. Тюремщик не спешил ее освобождать.

- Ты разве не отпустишь нас обоих? - спросил Калев.

- Ты не на свободе, - отозвался тот. - Просто идешь на работу. Я бы оставил тебя в наручниках, если бы считал, что ты представляешь реальную угрозу.

- Мне не нужны неприятности.

- Понимаешь, в этом-то я тебе и впрямь верю, - сказал Камень. - Ты вел себя как шелковый, пока мы везли тебя на вагонетке, хотя у тебя все лицо было забрызгано кровью и мозгами. Увы, о твоей подружке того же сказать нельзя.

Он свирепо глянул на Иктоми и постучал себя по опухшему глазу.

- Ты меня лапал, - пробормотала она, не встречаясь с ним взглядом.

- Я пытался тебя вытащить. Как и тот человек, которому ты сломала руку.

- Твоя голова поранила мне руку, - произнесла она, подняв замотанный палец. - Мы квиты?

Камень выругался и отвернулся, схватив Калеба за руку.

- Можно еще секундочку? - взмолился тот. - Просто... попрощаться.

Камень закатил глаза, но разжал хватку.

- У тебя минута. И без фокусов.

Калев с благодарностью кивнул, присел на корточки рядом с Иктоми и попытался взять ее за руки, несмотря на кандалы.

- Любовь моя, - произнес он, томно глядя в ее изрядно озадаченные глаза. - Клянусь тебе, мы вновь будем вместе.

Она моргнула, и выражение замешательства сменилось чем-то сродни панике. Он подался поближе, прижал ее к себе в неловком объятии и придвинул свой рот к ее уху.

- Ты можешь выбраться? - шепнул он.

- Из наручников? - спросила она. - Может быть. Я бы смогла взломать замок, будь у меня шпилька или маленькая косточка.

- Камень тут все дочиста вымел, - сказал Калеб. - Ну, может, пока что будет безопаснее оставаться здесь. Если дела пойдут действительно плохо, я подам тебе сигнал.

- Как?

- Поймешь, когда увидишь.

- Стало быть, не знаешь?

- Не особо.

- Хватит, - произнес Камень, взяв Калеба за плечо. - За тобой долг. Пора его отдавать.

Камень вел его через Конец Надежд, завернув одну руку за спину. Сопротивляться было мало толку: у пожилого мужчины была стальная хватка. Буквально. Его правая рука была полностью механической - бионической конечностью, которая обладала достаточной силой, чтобы раздробить кость.

По большей части жители Конец Надежд как будто не обращали на Калеба внимания, а он как мог старался не поднимать головы и смотреть вниз. Однако время от времени до него долетали разговоры, а уголком глаза он видел, как собираются небольшие группы, которые следовали за процессией из двух человек, сливаясь друг с другом, будто речные притоки. Без прикрывающей ему спину Иктоми он ощущал себя уязвимым. Возможно, Камень что-то понял по его лицу. Старик слегка замедлил шаг и ослабил хватку.

- Просто не поднимай головы.

- Я именно так и делаю. Но у меня все равно такое чувство, будто люди глядят мне в затылок малость чересчур пристально.

- Может и так, - произнес Камень. - Но они не пойдут против своего зрителя.

- А когда ты отвернешься?

- Все станет иначе, как только ты окажешься в шахте. А когда основной ствол и прииск будут расчищены, я предпочел бы, чтобы вы оба снова исчезли в улье наверху. Это при условии, если твоя женщина сможет сдержаться и больше не поранит никого из моих людей.

- Тебе очень повезло, что она не слышит, как ты ее так называешь, - пробормотал Калеб, пока они подходили к мастерским. Вереница вагонеток была опрокинута набок и зафиксирована в промышленных захватах, а рабочие начищали им магнитные полозья. Когда Калеб приблизился, все разом обернулись, и на него зловеще уставилась дюжина пар глаз.

- Я покойник, да? - прошептал Калеб, разговаривая главным образом сам с собой. Однако Камень его услышал.

- Нет, - ответил пожилой мужчина. - В шахте есть закон.

- Моя банда превыше моего дома, мой дом превыше всех остальных?

Камень улыбнулся.

- Не этот закон. По крайней мере, не для всех нас. Нет, просто существует понимание, что когда вы карабкаетесь по шахте, нет места соперничеству и вражде. Неважно, увел ли ты у меня жену, или оклеветал мою семью. Если у двух людей там наверху выйдет ссора, они в итоге могут убить не только друг друга, но и всех остальных.

- Меня бы больше ободрило, если... извини, ты сказал «наверху»?

- Да.

- Я думал, шахты обычно уходят вниз?

- Если бы только могли. Стоит зарыться в пепел и камни на несколько футов, как скальное основание становится прочным, будто керамит. Мы едва в состоянии его поцарапать, не то что копать в нем.

- Тогда куда ведет шахта?

Камень кивнул на перевернутые горы. Глаза Калеба расширились.

- Вы двигаетесь *вверх* по этим штукам?

- Они - единственное, что у нас осталось. Все легкодоступные залежи выбраны сотни лет назад.

- Вы в курсе, что над нами озеро?

- Выгребная Яма? Да, мы в курсе. - Камень усмехнулся. - Как, по-твоему, у нас получилась такая уникальная местность? Эти сталактиты, мы зовем их Королевскими Слезамии. В этих местах стоки нашли слабинку между куполов. Они прожгли себе дорогу насквозь. Порода растекается, словно воск, и капает вниз, пока не достигает скального основания внизу.

- То есть, чисто для ясности, эти перевернутые горы - на самом деле воронки из сплавленных кислотой камней?

- Так они образовались. Сейчас в них чисто. По большей части.

- И вас не волнует возможность проткнуть дырку в озеро?

- Протечки бывают постоянно. Скала плавится и в конечном итоге закрывает брешь.

- Звучит не слишком плохо.

- По крайней мере, мы думаем, что так происходит. Обычно бывает слишком мало выживших, чтобы сказать наверняка.

- Понятно, - проговорил Калеб. - Что ж, если попаду под кислотный душ, изо всех сил постараюсь что-нибудь записать.

Камень улыбнулся с неподдельным весельем.

- Пока что паниковать нет нужды. Ты в расчистной бригаде, а не в глубоком раскопе. Сомневаюсь, что вы зароетесь достаточно высоко, чтобы возник риск.

- У меня такое чувство, что тебе это нравится больше, чем следовало бы.

- Мне в этом ничего не нравится, - ответил Камень, и они остановились рядом с мастерской. - Мне не нравилась твоя речь. Не нравилось наблюдать, как ты преумножаешь надежды моих людей лишь для того, чтобы перечеркнуть их. Не нравилось смотреть, как гибли те юноши, когда все полностью сорвалось. Мне даже не нравилось глядеть, как ты осознаешь, насколько круто все провалил.

- Я правда хотел помочь, - вздохнул Калев.

- Верю, - пробормотал Камень. - Но еще мне кажется, что тебе интереснее было разыгрывать из себя героя, чем действительно им стать. Чувствуешь себя героем?

Калев ничего не ответил. Камень представил его шахтерам.

- Еще один вам в команду, - сказал он, обращаясь к бригадиру. Тот был среднего роста, средней же комплекции и носил одежду из такого же сочетания кожи с грубой тканью, как и у остальной бригады. На голове у него красовались очки, а на шее висел респиратор. Волосы то ли седели, то их присыпало пеплом - сложно было сказать наверняка.

Калев улыбнулся, хотя уже давно утратил веру в это выражение лица. Бригадир оглядел его сверху донизу.

- Модные тряпки, - произнес он, потерев между пальцев изорванную и грязную рубашку Калеба.

- Благодарю. Определенно были когда-то.

- Я так понимаю по твоему наряду, что шахтерского опыта у тебя не больно-то много?

- Мне случалось ползать по узким местам. Но сверх того - нет.

- Ну, это мы можем поправить, - с ухмылкой сказал бригадир. - Если выживешь.

6

Камень сдержал свое слово - по крайней мере, изначально. Калеба отрядили в расчистную бригаду, которая перекидывала пепел в вагонетки, пытаясь разобрать прииск. Он продолжал надеяться, что наткнется на амбота, наличие которого сможет хотя бы отчасти подкрепить его слова. Когда он, в конце концов, услышал, как его лопата лязгнула о металл, то возликовал, пока дальнейшие изыскания не показали, что это тело одного из бандитов. На бедре у того имелся ожог от лазера, и Калев понял, что это человек, которого он подстрелил. Возможно, не будь тот ранен, у него остался бы шанс спастись - узнать наверняка было уже нельзя. Тело вытащили и загрузили в вагонетку вместе с прочими примечательными вещами, извлеченными из пыли.

Все изменилось, когда поселенцы раскопали опрокинутые вагонетки. Шахта опустела, рабочие устремились к находке, бросая лопаты, падая на четвереньки и вода в пепле пальцами. Первая укладка мелеритиста оказалась расколота, от содержимого остался только бурый мусор, но они продолжили копать, а бригадир перехватил Калеба.

- Мне надо спустить сюда больше людей. Ты нужен наверху, - произнес он, ткнув большим пальцем в направлении основного ствола, где ожидала клеть.

По бокам от входа стояли двое старателей, каждого из которых защищал толстый кожаный фартук. Они

носили очки, рты были прикрыты старинными респираторами. При его приближении оба кивнули и, не сказав ни слова, указали на ранец высотой примерно в половину его роста. Когда он взвалил ношу на себя, какая-то его часть задалась вопросом, не является ли это просто частью наказания. Это могло бы объяснить, почему рюкзак как будто был набит камнями.

Рудничная клеть была сварена из старых переборок, дверью служила стальная решетка. На платформе хватало места где-то на полдюжины человек, однако наверх отправлялись лишь они трое. Лебедка жужжала, поднимая их в темноту.

Кaleb провел большую часть своей жизни в тесноте подулья. Он был знаком с муравейником труб и туннелей и знал, насколько там может быть опасно, однако тот все равно всегда представлялся ему чем-то естественным. Шахта была иной. Он являлся незванным гостем, осмелившимся зайти на вражескую территорию. Казалось, будто за каждым изгибом туннеля поджидает засада. Стены проходов неприятно лоснились, почти как гниющая плоть, а воздух обжигал гортань, несмотря на очки и респиратор. Даже в отсутствие риска получить клинок или пулю продолжительный контакт с испарениями, несомненно, оказался бы роковым.

Старатели устремились вперед, односложно переговариваясь, осматривая ответвления туннеля и помечая отдельные секции непонятными символами - возможно, предупреждениями или указателями. Кaleb спотыкался, с трудом переставляя ноги по неровной поверхности. Впереди туннель разветвлялся надвое, левый проход был свободен, а правый захламляли сломанные трубы. Кaleb направился по открытой дороге, но один из старателей стремительно выставил руку, преграждая ему путь. Человек полез в ранец, порылся там и извлек раздвижной металлический шест. Вытянув его перед собой и постукивая им по стенам и полу, он медленно двинулся по коридору.

Из трещин в туннеле внезапно вырвался десяток щупалец, тычущих в шест своими острыми кончиками.

Хлысточерви.

Тела этих существ прятались глубоко в скале, где их было не достать в ответ, а острые хвосты пытались вырвать пищу из тела любого, кто забредал рядом. Старатели отметили вход в туннель красным крестом, и все трое стали неловко пробираться по тому проходу, что шел параллельно.

За ним располагалась камера из погнутого железа - сохранившийся в камне фрагмент былой Железной Короны. Имея высоту по меньшей мере в двадцать футов и еще большую ширину, она была обрамлена покореженными железными переборками. Однако металл потускнел и покрылся нездорово-зеленым налетом, отравленный содержащимися в воздухе токсинами. Старатели замедлили шаг, обеспокоенно переглянувшись. Они осторожно двинулись по решетчатому полу, проверяя проржавевшее железо при помощи сверкающих серебристых игл. Протирая металл шелковыми тряпочками, они пристально вглядывались в остаток, словно прорицая будущее по внутренностям Железной Короны. Люди действовали скрупулезно, по пути через зал оба повторяли процедуру через каждые два шага. Они уже почти добрались до конца, когда один вскрикнул, тыча своей иглой в воздух.

Та приобрела изумрудно-зеленый окрас.

Что тревожило еще сильнее, от металла исходил пар.

Первый старатель схватил Калеба за руку и поволок прочь из камеры. Второй спешил рядом, размахивая латунным колокольчиком. По мере того, как тот звенел, к ним присоединялась процессия шахтеров из смежных туннелей, направлявшихся к клету. За раз могла спуститься всего горстка из них, а остальные

молча ждали, неотрывно глядя в шахту. Калёб бросил взгляд на старателя, ожидавшего по правую руку от него. Тот так и держал свою серебристую иглу, только теперь она была погнута, а с острия на камень падали капли.

Снаружи световой цикл сменился на сумеречный, огни купола потускнели и приобрели более теплый оттенок. Вагонетки уже частично раскопали, но большая часть мелеритистовой руды была испорчена и теперь представляла собой коричневую кашу. Тем не менее, несколько камней уцелело – розовые самоцветы в золотистых крапинках. Их кропотливо сохранили в прозрачной пленке. Это было все, что осталось от бесценного минерала. Калёб был рад, что его оставили на виду. Благодаря этому он мог в полной мере оценить масштаб своей неудачи.

Старатели с бригадиром углубились в разговор, несомненно, обсуждая, как обезопасить рудник. Он воспользовался возможностью отлучиться и молча бродил вдоль стены прииска, которая теперь стала вдвое ниже из-за оползня из шахты. Его, конечно, должны были хватиться, как только осознали бы, что он пропал, но ему хотелось всего лишь на мгновение побыть в покое, подальше от шума и вони пота. Воздух был забит пылью, но все равно казался на вкус таким сладким, лишенным той едкой заразы, которая пронизывала скалу. Он никогда еще не бывал так рад виду огней купола, мерцавших наверху, словно звезды.

Движение.

Он подпрыгнул и прижался к стене прииска. Там была тень. Она виднелась всего один удар сердца, но казалось, что на стене над ним что-то шевельнулось.

Он вперил взгляд в янтарную дымку. Ничего.

Возможно, это был просто очередной сбой – отказ одной из ламп на куполе. Тем не менее, он больше не испытывал потребности в уединении. Он уже было повернулся, намереваясь вернуться к поселенцам, когда услышал, как позади него почти беззвучно что-то приземлилось, и волоски на загривке встали дыбом. Калёб крутанулся, и как раз в этот момент ему в лицо врезался кулак.

Это был не самый сильный удар из тех, что ему доводилось получать, однако безупречно выверенный. В носу хрустнул хрящ, слезы залили глаза. Следом быстро последовала еще пара жгучих джебов, от которых его голова откинулась назад. Он с трудом мог что-либо видеть или разглядеть несущийся на него силуэт. На мгновение ему подумалось, что это один из поселенцев хочет поквитаться, но били слишком акцентированно – скорее не как разгневанный шахтер, а как боец в клетке.

Еще один удар зацепил его подбородок, и он упал. Пальцы загребли пыль и швырнули пригоршню в лицо нападающему. Он надеялся ослепить того, но глаза защитил визор. Тем не менее, на прочистку потребовалась секунда, которой ему хватило, чтобы подняться на ноги и нанести пинок в колено. Нога противника подогнулась, но он быстро пришел в себя и снова выбросил несколько серий хуков. Калёб как мог старался прикрывать голову, но все больше и больше достигало цели. Правый кросс влетел ему в ухо, нарушив равновесие. В отчаянии он размахнулся изо всех сил, но попал лишь по воздуху. Противник ловко отскочил за пределы досягаемости, а затем метнулся ближе, чтобы обрушить очередной шквал ударов.

Калёб пошатнулся и пригнул голову.

Ему в лицо врезалось колено, и он рухнул наземь. Схватив его за плечо, нападавший перевернул его на

спину, прижав к горлу что-то острое и холодное. Когда мутящееся зрение прояснилось, он обнаружил, что смотрит на предплечье атакующего и серебряный наруч у того на запястье. Он чувствовал на щеке дыхание – короткие сбивчивые вздохи, полные ненависти.

Шаги.

Нападавший обернулся. Над ними навис один из шахтеров. Кaleb моргнул, какую-то секунду не понимая, что в точности происходит. Его противник стремительно вскочил, и нож скользнул между ребер шахтера. Он провернул оружие, а затем выдернул его. Кровь брызнула в пыль. Шахтер повалился, а его убийца промчался мимо и перескочил через стену прииска.

Кaleb не мог подняться на ноги. Вместо этого он подполз к шахтеру, намереваясь остановить кровотечение. Однако один-единственный взгляд в безжизненные глаза мужчины сообщил ему, что он опоздал. Он хотел позвать на помощь, но в ухе до сих пор звенело, а легкие забились пылью. Он уже не мог сказать, в каком направлении скрылся нападавший, а также почему его пощадили. Зрение отказывало.

Приближались голоса, но и они становились все тише.

Бесчувственное тело Калеба приволокли к обозу и бросили к разношерстному собранию сокровищ, выкопанных из пыли. Мертвого шахтера с почтением уложили в замыкающую вагонетку, накрыв ему лицо шинелью бригадира.

Элисса лежала на верхушке сломанного сталактита, наблюдая за ними через прицел винтовки.

Она следила за ним в тех пор, как он покинул Конец Надежд. Когда бригада только отправилась на рудник, она была разочарована, поскольку надеялась, что поселение выберет более грубое наказание вроде публичного бичевания. Но зрелище того, как Кaleb мается в пыли на месте своей неудачи, опустившись практически до роли грузчика отбросов, доставило ей удовольствие.

Тревога у нее появилась, когда он вошел в шахту. Сомнения подтачивали решимость. Что, если он одолеет охранников? Он мог сбежать по одному из мостиков, соединявших сталактиты. Мог сбежать в улей наверху. Она бы и не узнала.

Она попыталась взять входы под контроль, направив свой дальнобойный лазган на перемычки, но она никогда раньше не бывала в шахте. Могли существовать и иные пути, потайные ходы к куполу наверху. Она поймала себя на том, что постоянно подбирается ближе, как будто ее присутствие могло выманить его наружу.

Элисса не знала, что произошло потом, но шахта неожиданно опустела, а поселенцы собрались в центре прииска. В суматохе Кaleb отбил от них, и она обнаружила, что взбирается на выступ над ним.

Он заметил ее и нырнул в тень, возможно, собираясь предупредить поселенцев. Ей пришлось действовать.

Но когда она ударила его, у нее внутри что-то пробудилось – подавленные ею ненависть и ярость наконец-то получили выход. Выучка взяла верх, и она молотила кулаками по его самодовольному лицу. При каждом ударе она видела своего отца, лежащего в фамильном мавзолее. При жизни тот был гигантом, но в смерти от него осталась лишь оболочка – пережиток человека, который когда-то являлся

для нее целым миром.

Ее кулак попал ему в лицо, и Калев вдруг упал, а она оказалась над ним, приставив к его горлу нож. Она не помнила, как обнажила оружие, словно клинок искал его смерти по собственной воле.

Она могла бы закончить все тогда одним поворотом запястья. Могла закончить до сих пор – колонна находилась вполне в пределах досягаемости дальнобойного лазера. Один выстрел подвел бы итог убогой истории Калеба. Она смогла бы вернуться в дом Хэрроу героиней, восстановив честь семьи.

Но этого было мало.

Он должен был знать, почему умирает. Должен был знать, кто за это в ответе. Не какой-нибудь подонок из улья, которого он обдурил в карты, или брошенная любовница, жаждущая мести за нарушенные обещания. Он должен был знать, что жалкий кусок грязи из подулья не может завалиться в Шпиль и убить аристократа, не поплатившись за это. Он должен был усвоить, что дом Хэрроу не допустит, чтобы подобное неуважение оставалось безнаказанным. Он обесчестил и ее, и ее семью; взамен она заберет всё.

Итак, она замешкалась, держа клинок у его горла.

Тогда-то не вовремя и появился шахтер.

Она не могла оставить человека в живых – только не после того, как он ее увидел. Новости о таинственном нападавшем восстановили бы против нее все поселение. Калев мог раскрутить историю, попытавшись связать собственные неудачи с ней. Он мог преуспеть.

Однако смерть подарила ей шанс. Калеба обнаружили рядом с телом. Иных подозреваемых не имелось, и теперь в глазах поселенцев он был тем, кем и являлся на самом деле – хладнокровным убийцей.

Элисса наблюдала, как колонна удаляется, увозя труп и убийцу навстречу правосудию в Конце Надежд. Она собиралась было двинуться следом и найти какой-нибудь способ изолировать его, чтобы наконец совершить месть, но когда она встала, ее взгляд упал на нечто, блестящее среди пепла и, без сомнения, позабытое в хаосе – частично откопанную пластину брони, украшенную шевроном.

Шахтеры наверняка решили, что это фрагмент обломка, оставшегося после взрывов, однако она узнала рисунок на панцире.

Она нашла амбота.

7

Его притащили на главную площадь, волоча ногами по пыли. Когда те не выдержали, и он упал, двое шахтеров подхватили его за руки и вздернули в вертикальное положение. Остальные заторопились вперед, бригадир велел им собрать поселенцев на главной площади. У Калеба все еще звенело в ухе после нападения, но он уловил обрывки разговоров. Похоже, все единодушно считали его убийцей, и обсуждение сводилось лишь к тому, следует ли поселению устроить формальный суд, или же попросту пристрелить его и покончить с этим.

Он обмяк у них в руках, и вскоре они, устав держать его вертикально, швырнули его наземь и привязали за руки к подпорке импровизированной сцены. Еще день назад он стоял там и воодушевлял поселение

последовать за ним в бой.

Он видел, как бригадир орет, указывая в направлении тюремных камер.

- Что вы... - начал было он, но ему в челюсть врезался кулак. Он моргнул, пытаясь сфокусировать зрение. Похоже, правый глаз не работал как надо. Он чувствовал, как тот закрывается из-за распухающей правой скулы. Нос оставался забит засохшей кровью, и он едва мог шевелить губами.

Ответа долго ждать не пришлось.

Иктами спокойно вышла из тюремного блока. Ее руки оставались скованы железными кандалами. По бокам ее сопровождали двое поселенцев покрупнее, и оба держали ее за руки, прижимая те к бокам. По сравнению с их габаритами она выглядела ребенком, совсем как когда он только нашел ее в Пепельных Пустошах.

Их взгляды встретились. Он попытался улыбнуться, но было слишком больно.

- Обоих! - закричал бригадир, пока ее привязывали к соседней подпорке. - Покончим с этим сейчас же!

Она глянула на него с безразличным выражением лица.

- Стало быть, все прошло хорошо? - поинтересовалась она.

- Почему ты еще здесь? - отозвался он хриплым голосом. - Я думал, ты можешь сбежать, когда захочешь?

Секунду она молчала.

- Я решила, что в камере может быть безопаснее, - сказала она. - Что случилось с твоим носом?

- У меня вышла драка. Они об этом упоминали?

- Я немного подслушала. Они сказали, ты кого-то убил.

- Нет. На меня напали.

- Они сказали, тебя нашли рядом с телом.

- Я его не убивал. Даю тебе слово. Этого мало?

- Как посмотреть, - произнесла она. - Тебе нужно мое слово, что я не перерезала горло тому охотнику за наградой?

- Мне вообще не следовало тебя спрашивать. Прости.

Она пожала плечами, звякнув цепями.

- Что ж, думаю справедливо будет сказать, что за нами кто-то охотится, - вздохнул Калеб. - Ты была права. Как ощущения?

Она обдумала вопрос, пока шахтеры выстраивались перед ними в шеренгу, заряжая свои стабберы.

- Не очень.

Бригадир приблизился к ним с пылающими глазами.

- Калеб Пропаший, - произнес он. В голосе явно слышалась подавляемая ярость. - Ты уничтожил наш источник пропитания, подверг наш народ опасности, а теперь дошел до хладнокровного убийства. Тебе есть, что сказать напоследок, прежде чем мы совершим правосудие над тобой и твоей подельницей?

- Ага. У вас предлагают последнюю трапезу? - спросил Калеб. - Потому что в порту Бешеный Пес есть чудесное местечко, где подают сточных медуз, поджаренных в собственном рассоле. Дотуда далековато, но я думаю, оно стоит...

Бригадир снова ударил его в лицо - на сей раз рукояткой пистолета. Какое-то мгновение он видел только звездочки. Мужчина что-то кричал, брызгая в него слюной, а по его лицу катились не сдерживаемые слезы. Впрочем, Калеб не слышал его слов, лишь звон в ушах.

- ...почти совсем мальчишка, ясно тебе, кусок дерьма? - сказал бригадир, еще раз ударив его по лицу тыльной стороной руки, а затем развернулся к четверым поселенцам со стабберами наголо.

Он поднял руку, и те вскинули пистолеты. Стволы смотрели прямо на Калеба с Иктами.

Гул толпы потонул в оглушительном звуке выстрела.

Импровизированная расстрельная команда обернулась в направлении источника шума. Там, в центре площади, стоял Камень, направив в небо дымящийся дробовик. Его рубаха была расстегнута, а ноги босы, так что отчетливо виднелись бионические пальцы на правой ступне. Это выглядело бы комично, если бы не выражение его лица.

Бригадир открыл было рот, чтобы заговорить, но его заглушил второй выстрел, разорвавший небо.

- Вы что удумали, во имя Императора? - взревел Камень.

Дюжина голосов попыталась ответить. Его взгляд заставил всех умолкнуть.

- Я, да и большинство среди вас, из Дома Железа, - произнес он, будто молотом чеканя каждое слово. - Мы не бездумное зверье вроде Голиафов и не предатели вроде змей из Делаков. Мы не вершим правосудие из тени. Мы живем по закону, и наше слово подобно железу. А теперь, кто-нибудь, расскажите мне, что происходит, пока я не запер всю вашу жалкую шайку.

Мгновение все молчали.

- Гримм мертв.

Голос прозвучал откуда-то из толпы. Камень глянул туда, опустив оружие. Он сделал жест рукой, и толпа расступилась. Калеб смутно признал в человеке одного из членов бригады.

- Как? - спросил Камень.

Шахтер указал на Калеба.

- Вот он. Он ударил Гримма ножом в сердце.

Камень посмотрел на него. Калеб ничего не мог понять по его лицу. Взгляд был холодным и жестким, как сталь.

- Ты видел, как он это сделал? - поинтересовался он.

Шахтер замешкался.

- Нет, - признался он. - Но мы его нашли прямо рядом с телом.

- Он пытался сбежать?

- Нет. Должно быть, Гримм оказал сопротивление. Он был без сознания.

- Он убил Гримма, будучи без сознания? - спросил Камень, хмурясь. - Где нож?

- У нас его нет.

Камень задумался. Все глаза были устремлены на него.

- У вас его нет, потому что я никого не убивал. Я не причиняю людям вреда без необходимости и никогда бы не пустил в ход нож против невинного человека.

Камень развернулся к Калебу и ткнул в его сторону пальцем.

- Хоть раз за свою никчемную жизнь закрой рот, - произнес он. - Я скажу, когда и если тебе дадут возможность доказать свою правоту. До тех пор ты будешь молчать, если я не задам тебе вопроса. Тебе понятно, мальчишка?

Калев кивнул.

- Мне нужно увидеть тело, - сказал Камень, снова оборачиваясь к толпе. Он как будто пересчитывал их. Его взгляд переместился на бригадира. - Кого ты оставил охранять рудник?

Мужчина пожал плечами. Камень уставился на него, и он вздрогнул.

- Бери бригаду из пятерых и возвращайся туда, - велел Камень. - Кожевник, я хочу, чтобы ты заступил в наряд. Следи за этими двумя и обеспечивай их безопасность, пока я не закончу. Остальные, возвращайтесь по домам. Итак, где тело?

Элисса не знала, сколько уже времени трудится в грязи.

Свет в подулье являлся драгоценным ресурсом, и огромные сектора были обречены вечно пребывать в ночи. Однако пепельная пустыня под ульем жила по собственному нарушенному световому циклу, который уже совершенно не походил на природный распорядок планеты. Рассвет превратился в сумерки, и к раскопу поползли длинные тени. Она была бы рада, приди они ей на помощь - как бы усердно она ни копала, все равно казалось, что амбот навеки застрял в пепле.

Но она не собиралась останавливаться. Она видела устроенные машиной разрушения - как та могла порвать на куски банду вооруженных людей. Чертежи горнодобывающего робота передали на ее наруч, так что имелся шанс, что она сможет его перезапустить. Коль скоро она намеревалась предстать перед Калевом еще один, последний раз, ей требовалось усиление - нечто такое, что сможет занять поселенцев, или устранить сообщницу Калеба, если это понадобится.

Она докопалась до брюха амбота. Машина лежала в пыли под наклоном, массивное тело прижимали сломанные подпорки шахты. Мысленно Элисса представляла, как вновь вспыхнут ожившие сенсоры, а подвижные сервоприводами клешни вскроют гробницу, однако машина была совершенно неподвижной и такой же инертной, как испорченный мелеритист.

У нее не было возможности поднять балки, и вместо этого она решила разрезать их. Она только-только отыскала сварочную горелку, когда уловила гул приближающейся вагонетки.

Она отступила за ближайшую баррикаду и отстегнула винтовку – шум становился все ближе. Амбота было никак не спрятать.

Неподалеку раздались голоса. Поселенцы.

Она медленно взяла ружье наизготовку, подстраивая прицел. До них было всего несколько десятков ярдов. Она узнала бригадира, за которым следовала горстка людей.

– Надо было попросту покончить с этим тут, – сказал бригадир. – Положить конец мытарствам этого ублюдка.

Один из прочих покачал головой.

– Камень бы ни за что такого не разрешил.

– Камень – старик, преданный старому закону, – ответил бригадир. – Этот лживый подонок Калев принес одни лишь несчастья. А теперь один из нас погиб от его руки. Что еще он должен сделать, чтобы мы взялись за дело?

– Камень доберется до сути.

– Нет тут никакой сути! – бросил бригадир, развернувшись лицом к рабочим. – Эта змея запустила свои клыки в нашего брата. Нельзя было позволять Камню убедить меня взять его в бригаду. Следовало из сострадания прикончить его из стаббера, когда была возможность. Его, да и эту крысокожую тоже.

Шахтеры переглянулись.

– Ты не можешь винить ее за Гримма, – произнес один из них. – Она не покидала камеру.

– Не покидала ли? – отозвался бригадир. – Есть в ней что-то неправильное. Вы видели ее глаза? Она как будто не видит людей, просто смотрит сквозь них. Бьюсь об заклад, она из ведьмовской породы.

– Босс?

Один из шахтеров указывал в яму. Он заметил частично раскопанного амбота.

– Свет Императора, – прошептал бригадир, как только ему стало ясно, что они обнаружили. – Когда это нашли? Почему никто мне не сказал?

– Наверное, в суматохе? – сказал один шахтер. – Может, во время эвакуации?

– Неважно. Если мы сумеем запустить эту машину, все изменится. Возможно, у нас теперь даже есть средства зарыться в скальное основание. Кто-нибудь, берите горелку – надо ее вырезать.

Элисса наблюдала, как они принялись за работу, кромсая сломанные балки, и радовалась, что шахтеры доведут ее труд до конца. Однако их разговор вызвал у нее беспокойство. Раньше она полагала, что Конец Надежд в подулье сходит за цивилизованное место, но похоже было, что цивилизованность уже вот-вот должна скатиться в варварство. Если она собиралась забрать жизнь Калеба во имя своего дома, необходимо было быстро выдвигаться.

Бригада выдвинула кран в нужное положение, подняла дремлющую машину из ее гробницы и уложила в

вагонетку. Бригадир ухмылялся. Элисса сместила прицел, взяв его сияющее лицо в перекрестье.

Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. А затем нажала на спуск.

Лазерный импульс взорвался прямо над его ухом. Бригадир рухнул, а она обругала себя - выстрел ушел чуть левее. Ее оружие не производило шума, и какое-то мгновение остальная бригада не понимала, почему в точности он упал. Второй выстрел пробил шахтеру грудь. Третий подсек колено, и жертва повалилась наземь, держась за ногу. Четвертый прошел совсем мимо цели, дрожь сбила прицел.

Она остановилась, неспешно дыша, стабилизируя оружие. Следующий выстрел прикончил искалеченного шахтера. Остальные пропали из виду, присев за вагонетками и оборудованием.

К такому она не привыкла.

На тренировках она всегда превосходно управлялась с оружием, отстреливая цели с хладнокровием на грани пренебрежения. Но тогда она могла не спешить, выверять каждый выстрел и делать его результативно. Здесь были не стерильные учебные условия Шпиля. Теперь она утратила преимущество внезапности, и добыча залегла. В воздухе все еще было много пыли, света не хватало. Окно возможностей сужалось.

За краном что-то шевельнулось.

Она излишне резко вскинула винтовку, выстрел опалил пыль в нескольких футах от машины. Один из шахтеров не выдержал и устремился ко входу в шахту. Она поправила прицел, но в тот момент, когда она нажала на спусковой крючок, человек нырнул за баррикаду.

Больше никто не двигался. Сколько еще осталось?

Элисса выругалась, сообразив, что не пересчитала их при появлении, слишком сосредоточившись на том, чтобы укрыться самой. Она недооценила бригаду, посчитав их всего лишь таким же отребьем, какое ей встречалось в Шлаковом Ряду. Однако они были дисциплинированными и закаленными. Даже лишившись предводителя, бригада не сломалась.

Шли минуты. Она предполагала, что рано или поздно появится сменная команда. Те стали бы достаточно легкой целью, ведь вагонетка медленно двигалась по магнитным рельсам. Но если подкрепление окажется не просто горсткой людей, она вдруг может угодить в окружение, а если начнет вести ответный огонь, тот, вероятно, выдаст ее позицию. Насколько она видела до сих пор, бригада имела при себе исключительно простейшее стрелковое оружие, но при наличии хотя бы одного тяжелого стаббера все кончится в тот же миг, как ее заметят.

Она отбросила мысль покинуть позицию. Стоит ей выйти на открытое место, как ее сможет уложить шальная пуля. Внутри продолжала тлеть злоба, но она загнала ту вглубь. Бывали случаи, когда гнев служил ей оружием, но не здесь. Снайпер по натуре спокоен и невозмутим - ярость не придаст мощи оружию или остроты глазу. Нужно было подойти к делу с другой стороны. Найти способ выманить их наружу.

Сперва она подумала про амбота. Лазерный выстрел Калеба заставил того впасть в бешенство и порвать банду на части. Она знала, что стреляет лучше, но сейчас машина лежала без дела, а она не знала, каким образом он добился успеха. В блоках данных наруча хранились чертежи автомата, но у нее не было времени тщательно изучать практически не поддающиеся расшифровке гравюры в поисках неведомого слабого места.

Она покачала головой. Ею все еще руководила злость, искавшая способ доказать превосходство над ним. От нее не требовалось победить его в его же собственной игре – требовалось просто победить.

Тогда-то она и заметила сварочную горелку.

Та лежала брошенной у основания крана, дежурный огонек погас. Дернув пальцем, Элисса изменила настройки оружия, повысив мощность до максимума. Это бы сожгло большую часть запаса энергии. Нужно было выстрелить точно.

Два долгих, медленных вдоха, в точности как ее учили. Плечи расслабились. Это просто очередная цель – задача, которую нужно выполнить с отличием.

На следующем выдохе она вдавила спуск.

Лазерный импульс пробил топливный бак горелки, и жидкость взорвалась шаром огня. Взрыв был скромным – ничто по сравнению с серией взрывов, которая сравняла прииск с землей – однако его хватило, чтобы место раскопок окуталось пламенной сферой. Горящее топливо воспламеняло саму скалу.

Еще до того, как началось движение, она услышала крики. Один из шахтеров вырвался из-за укрытия, одежда на нем пылала. Импульс лазера разнес ему затылок. Он повалился, а из-за баррикады возник другой шахтер, пожираемый пламенем и почерневшими пальцами рвущий на себе комбинезон. Она избавила его от страданий, уложив выстрелом в сердце.

Больше ничего не двигалось. Обзор снова ухудшался: прииск заволкло маслянистым дымом, а остававшийся свет мерк, поскольку купол опять переключался на ночной цикл.

Винтовка почти разрядилась. Сложив оружие с отработанной ловкостью, она пристегнула его посередине между плеч и обнажила обоюдоострый нож, клинок которого был вороненым, чтобы не блестеть в остающемся свете. Иных вариантов не было – приходилось рискнуть показаться на глаза.

Она крадучись вышла из укрытия, звук шагов подавляли микроглушители, встроенные в ботинки. Когда-то это была изысканная пара обуви, подарок отца, но сейчас кожа потускнела от грязи подулья. Впервые она надела их на балу дебютантов. Предполагалось, что тот станет началом ее финального обряда посвящения – праздником, после которого она спустится в глубины, чтобы проявить себя. Однако ныне этот день был омрачен, а ее лишили момента славы. Сейчас она держалась за эту злость, веря, что та придаст силы ее клинку.

Она двигалась тихо и не спеша, прочесывая прииск глазами, чтобы видеть всё. Теперь все сводилось к везению, и от этой мысли ей было стыдно. Ее учили, что Хэрроу добывают победу посредством силы воли, а удача – удел слабых и глупых. Просто очередной компромисс, один из множества, на которые она пошла с момента спуска.

Последнего выжившего она обнаружила неподалеку от места раскопок. Тот был невредим и хорошо прятался за одной из баррикад. Возможно, именно поэтому он никуда не побежал, не желая покидать свою позицию. Она понимала это, но ее нож скользнул по его горлу. Он умер, давясь собственной кровью – несомненно, пытаясь кого-то предупредить. Однако предупредить больше было некого. Быстрое прочесывание лагеря подтвердило это.

Она знала, что тела не удастся спрятать надолго, но их было несложно облить горючим из крана. Может быть, местные сочтут это несчастным случаем; может быть, заподозрят нечистую игру. Теперь это не

имело значения. Ей нужно было действовать быстро, пока поселенцы не вынесли свой приговор и не лишили ее возможности отомстить.

Калебу пришло время покинуть камеру, и у нее имелся идеальный инструмент, чтобы его освободить.

Первой дым заметила Иктоми.

Они так и оставались привязаны на главной площади, а охранник, которого называли Кожевником, продолжал свое молчаливое бдение, направив на них оружие. Голова Калеба была опущена, взгляд устремлен в скалу под ногами. Он молчал с самого разговора с Камнем. Иктоми было знакомо выражение его лица, а еще ей хватило ума не пытаться протянуть к нему руку. Но она стукнула его ногой по ступне, и он поднял голову, проследил за ее взглядом и увидел дым, клубящийся над далеким рудником.

Не прошло много времени, прежде чем поселенцы тоже это увидели. Они собрались на главной площади. Позвали Камня. Тот бесстрастно уставился на дым вдаль, а затем начал рявкать распоряжения ближайшим поселенцам. Потом подошел к ним, мрачно поджав губы.

- Опять ваша работа? - спросил он.

Калев посмотрел на него.

- Тут нигде нет нашей работы, - вздохнул он. - Я принимаю ответственность за срыв работы рудника, но я не занимаюсь хладнокровным убийством людей. Если это возможно, я их вообще не убиваю. Мы все время были здесь, нас нельзя обвинить в пожаре.

Он бросил взгляд на Иктоми.

- А ее нельзя обвинить ни в чем. Она была под замком. Ты же сам сказал, что из камеры никому не сбежать.

- Может быть, - пожал плечами Камень. - Есть люди, которые думают, что это сговор. Может быть, вместе с вами работает кто-то еще, находящийся снаружи.

- Это тот же человек, что избил меня до полусмерти?

- Возможно, Гримм отбивался.

- Если бы он отбивался так жестко, я бы ни за что не смог его заколоть. Готов поспорить, на нем больше нет ни единой отметины. Я избит до полусмерти, а на нем всего одна рана? Не особо-то похоже на драку.

- Ну, я и не говорил, что это хорошая версия, - парировал Камень. - Но ты не можешь винить нас за подозрительность. Эти неприятности начались ровно тогда, когда появились вы. Не могу удержаться от мысли, что здесь есть связь. Так глубоко внизу улья подобное просто так не происходит. У нас опасная работа, и люди гибнут. Но мы не убиваем друг друга.

- А как насчет Гранитных Лордов?

- Они никого не убили, - сказал Камень. - Пара из них когда-то была местными парнями.

- И это единственная проблема, что у вас была?

- Порой забредают бандиты, - ответил тот. - И странные мутанты. У того, кто на тебя напал, было три руки?
- Нет.
- Он что-нибудь украл?
- Нет.
- Тогда звучит непохоже на мутанта или бандита, - произнес Камень. - Еще предположения?
- Я думаю, убийца как-то с нами связан. Он хочет отомстить.
- А мы просто оказались между двух огней?
- Похоже на то.
- Вот нам повезло, - проговорил пожилой мужчина. - Есть идеи, кем может быть этот таинственный враг?
- Нет. Но возможно, он оставил зацепки на руднике.
- У нас нет поводов считать этот дым подозрительным. Возможно, у тягача загорелся движок.
- Возможно, - пожал плечами Калев. - Ты сам-то так считаешь?
- Я считаю, что у нас режим изоляции, пока я не выясню больше. Я отправляюсь туда.
- Только ты?
- Это может быть западня. Я не стану больше рисковать жизнями.
- Я мог бы пойти с тобой, - сказал Калев. - Тогда рискнешь только моей.
- Камень нахмурился.
- Думаешь, я тебя освобожу?
- Я думаю, что мы могли бы тебя сопроводить и попытаться раскрыть нашего общего врага.
- Мы? - переспросил Камень, приподняв бровь. - Нет, не думаю, что вам двоим следует куда-либо идти вместе. Один из вас остается под стражей, чисто чтобы другой не расслаблялся.
- Хорошо. Я пойду, - произнес Калев. - Посади Иктомю обратно в камеру. Она все равно в состоянии сама выбраться.
- Сомневаюсь, - сказал Камень, отвязывая его от стула. Калев поднял руки, выставив кандалы перед собой. Камень покачал головой.
- Ох, да брось! - воскликнул Калев. - Ты ждешь, что я пойду за заведомым убийцей со связанными руками?
- Нет. Я жду, что ты пойдешь со мной, чтобы попытаться пролить свет на то, кто это творит, - ответил Камень, пока Калев шел мимо него. - Мы ведем расследование, а не играем в героев.

Он посмотрел на Иктоми. Та опустила голову, как будто пристально глядя на наручники.

- Молишься? - поинтересовался Камень.

Она покачала головой.

- Думаю.

- Планируешь, как бы сбежать?

- Если придется.

- Ты не против поделиться планом побега? - спросил Камень. - Любопытно, как ты собираешься выбраться из этих кандалов. Они могут удержать зеркера Голиафов.

- На них простой замок, - произнесла она. - Чтобы его вскрыть, мне нужна только шпилька или маленькая косточка.

- Может и так, - согласился он. - Но я обыскал вас обоих и ежедневно проверяю эти камеры. Я знаю, что у тебя нет ни того, ни другого.

Она не ответила. Камень кивнул Кожевнику.

- Посади ее обратно в камеру. А потом я хочу, чтобы это место перешло на изоляцию.

- Что это, как по-твоему? - спросил Кожевник.

Лицо Камня стало жестким.

- Узнаю, когда доберусь туда. Пока что будьте начеку.

Кожевник отвел Иктоми обратно в тюремный блок и пристегнул ее кандалы к железному кольцу. Она как будто не обращала ни на что внимания, склонив голову и продолжая неотрывно смотреть на железные кандалы. Цепь была толщиной с ее запястье, в замочную скважину мог пройти палец.

Какое-то время она изучала отверстие.

У нее не было шпильки.

Охранник запер дверь камеры и вышел в наружный коридор.

Иктоми взялась правой рукой за перевязанный палец. Она медленно вдохнула, берясь покрепче, а затем резко дернула палец вправо.

Раздался громкий хруст.

8

Вагонетка сдохла в дюжине ярдов от убежища Элиссы. Вес амбота продавил магнитные поля, и тележка со скрежетом остановилась. Не то, чтобы это имело значение: у нее не имелось возможности приподнять существо над землей. И все-таки, это казалось очередной неудачей.

Она понятия не имела, как работает машина. Подготовка к пребыванию в подулье не включала в себя инженерное дело. Она могла бы за считанные секунды разобрать винтовку в полевых условиях, идентифицируя каждую деталь исключительно наощупь, но слабо представляла реальный принцип работы оружия. Ее наруч позволял получить доступ к чертежам машины, но гравюры были ей малопонятны.

Тем не менее, машина не выглядела серьезно поврежденной. Обрушившаяся гора мало что ей сделала, разве что сколола и без того сильно потертую краску. Автоматон разрабатывали для прокладки туннелей в твердой скале – он должен был быть рассчитан на обвалы. Также не было видно следов повреждений, нанесенных Калобом. Она предположила, что его выстрел, должно быть, где-то перегрузил систему. Можно ли это было исправить? Ей требовалось оружие, которое можно навести на цель. Пробуждение амбота, пока тот все еще готов атаковать любого, находящегося поблизости, могло стать дорого стоящей ошибкой.

Наруч зажужжал и послышался характерный щелчок интерфейса, установившего связь с верхним ульем. Когда-то голоматрица отобразила бы безупречную копию ее прежней жизни – сверкающие сооружения и ухоженные сады. Изображение было настолько идеальным, что практически возникало ощущение, будто она вернулась домой. Однако подулье испортило устройство, как портило и все остальное. Теперь перед ней предстала мерцающая тускло-синяя картинка с размытыми и нечеткими контурами. Она могла различить лишь фигуру женщины средних лет. Та носила черное, цвета траура, но платье было подтянуто на талии чуть туже, чем предписывал обычай, а вуаль была сделана не из традиционной плетеной ткани, а из тонкого шелка. Хотя ее лицо оставалось скрыто, Элисса могла представить на нем несомненно брезгливое выражение. То было ей весьма знакомо.

- Здравствуй, любимая дочь, – без искренности в голосе произнесла леди Хэрроу.

- И вы, любимая матушка, – отозвалась Элисса, обращаясь к женщине, которая не произвела ее на свет и не воспитывала. – Вас что-то беспокоит?

- Меня беспокоит великое множество вещей, – ответила ее мачеха. – Наше положение становится еще хуже. Эти шакалы из дома Катулл шныряли вокруг наших угодий, выискивая любую слабость. Они хотят поглотить наше наследие и присвоить нашу славу.

- Они наши союзники, матушка.

- Они неблагодарные выскочки, не знающие своего места! – бросила леди Хэрроу. – Будь твой отец еще с нами...

Она умолкла, театрально всхлипнула и промокнула глаза кружевным платком. Голоматрица работала слишком плохо, чтобы Элисса смогла понять, пролилась ли хоть одна слеза на самом деле. Она ждала, пока мачеха закончит представление.

- Что ж, полагаю, сделанного не воротишь, – вздохнула леди Хэрроу, аккуратно заткнув платок под рукав. – Когда закончится твоя маленькая эскапада?

- Скоро.

- «Скоро» может оказаться недостаточно скоро. Смерть твоего отца поставила нас на грань междоусобной войны. А теперь с охоты триумфально вернулся твой кузен Перин. Любому дураку очевидно, что он планирует устроить игру за власть над нашим домом. Хуже того, он может преуспеть.

- Так пусть.

- Ты глупое дитя! - огрызнулась мачеха. - Уже говорят, что он встречается со второй дочерью леди Катулл. С поддержкой дома Катулл ему будет невозможно противостоять. И это станет концом нашего наследия. Мы превратимся всего лишь в еще одну пометку в летописях семейства Катуллов. Ты этого хочешь?

- Чего я хочу, так это отомстить за отца.

- И отомстишь, - еле слышно произнесла леди Хэрроу. - Он был бы так горд выбранным тобой обетом. Горд тем, что ты посвятила свое пребывание в подулье тому, чтобы отомстить за него и прикончить этого подлого убийцу. Но это важнее, чем месть. Пока ты не исполнишь свой обет, я не могу открыть перед тобой дверь или принять в свой дом. Пока над этим душегубом не совершится правосудие, я не могу назвать тебя дочерью, а ты не можешь занять свое место нового главы дома.

- Он умрет. Но сперва я заберу у него всё. Всех, о ком он заботится. Лишь когда у него не останется ничего, кроме боли, я смилюсь над ним.

- Ох, просто всади ему пулю в затылок и покончи с этим, - сказала мачеха. - Это обет, а не поэма.

- Он умрет. Так, как хочу я.

- Хорошо. Тогда отправь этого робота, которого нашла. У тебя есть к нему инструкция, я об этом позаботилась.

- Не все так просто, - возразила Элисса. - Он отключен, а в последний раз, когда он работал, то атаковал все, что к нему приближалось. Возможно, я смогу его пробудить, но мне никак не узнать, придет ли он в нормальное состояние, или же так и будет пребывать во власти яростной жажды убивать.

- Дитя мое, прости мне прямолинейность, но это не похоже на проблему для воина. Воин делает все необходимое, дабы сокрушить врага. Он не позволяет трусости руководить своими действиями.

- Я не боюсь, - выплюнула Элисса. - Но если я погибну, все впустую. Если я здесь ошибусь, то...

- Хэрроу не тревожится о неудаче, - сказала ей мачеха. - Хэрроу не забивает голову вопросами «можно ли» и «следует ли». Хэрроу диктует свою волю и меняет мир.

Дисплей погас. Элисса некоторое время глядела на него, пока у нее перед глазами горел остаточный образ мачехи. Она прижала к наручу большой палец, и голоматрица отобразила нечеткую схему амбота. Внизу имелся едва видимый текст: последовательность команд для пробуждения машины.

Она дала обет. Только это имело значение.

Она протянула руку к панели управления амбота.

Они ехали в тишине, которую нарушало только гудение генератора вагонетки, скользившей по рельсам на волне электромагнитной энергии. Камень сидел позади Калеба в ведущей вагонетке, постоянно держа одну руку на своем стаббере. Руки Калеба оставались скованы. Он поймал себя на том, что его взгляд рыщет по местности. За каждой дюной и холмом ему виделась снайперская позиция. Они были такой легкой, предсказуемой целью. Он задумался, не так ли себя постоянно чувствует Иктами, с

подозрением относящаяся к любой протекающей трубе или проржавевшему выпускному клапану.

- Думаешь, за нами кто-то следует? - спросил Камень.

- Я просто осторожен.

- Непохоже, чтобы это была твоя природная черта, - отозвался пожилой шахтер. - Кому ты понадобился?

Калев пожал плечами, или хотя бы попытался, поскольку плечи тянули вниз кандалы.

- Не знаю. Это может быть кто угодно.

- Может быть, - ответил Камень. - Но опыт подсказывает мне, что обычно есть основная кандидатура.

- Опыт?

- Ага.

- Ты охотился, или за тобой охотились?

- Думаю, каждому случается побывать в обеих ролях, - произнес Камень. - При условии, если проживешь довольно долго.

- Ну, я из тех, за кем охотятся, - сказал Калев. - Наверное, мог бы написать об этом книгу, будь у меня возможность посидеть спокойно достаточное время.

- У тебя точно есть талант к небылицам.

Калев повернул голову, бросив на него взгляд.

- Предпочитаю считать это приукрашиванием.

- Не сомневаюсь, - отозвался Камень. - Меня особенно впечатлила та история, как ты убил невидимое чудовище. Очень с выдумкой.

- Оно не было невидимым, - возразил Калев. - Просто умело затуманивать восприятие. Так оно и подбиралось вплотную к пище.

- И ты убил это чудовище?

- Что-то вроде того. Я был приманкой. Его убила Иктоми. Когда оно умерло, стало можно разглядеть его настоящий облик - мелкое морщинистое существо, какой-то мутант.

- А как насчет той банды, которую ты перебил? - спросил Камень. Они подъехали к подъему, и вагонетка замедлила ход. - Могли остаться выжившие? Кто-нибудь, желающий поквитаться?

- Нет, они все мертвы.

- Ты и вправду их убил?

- Не я. Но я видел тела.

- Прекрасно. Есть у тебя еще враги, которые хотят твоей смерти?

- Ну конечно, - ответил Калев. - Но не думаю, что многие из них удосужились бы отправить охотников за

наградой так глубоко в низ улья.

- Еще подозреваемые? Я так понимаю, история про бойню на Кровавой Реке не слишком-то верна?

- Нет, это была правда. По большей части.

Последовало молчание. Калев обернулся на своего тюремщика. Камень вперил в него пронзительный взгляд. Калев уставился на него в ответ.

- Вот как? - произнес Камень. - Ты сражался с теми неопишными тварями и каким-то образом взял верх?

- Я бы не сказал, что сражался с ними. Парочку отогнал, может быть. Но они и так уже уходили. В основном я прятался.

- А дитя?

- А с ней-то что?

- В рассказе ты говорил, что сотню миль нес ее на спине по Пепельным Пустошам.

- Да.

- Почему?

Вопрос прозвучал так небрежно. Мгновение Калев не был уверен, как на него ответить.

- Потому что она была ребенком? - проговорил он. - Что еще я мог сделать?

Камень ответил не сразу. Калев понимал, что они уже близко. Он начинал узнавать ориентиры: груды обломков и туннели в дюнах. Впереди находилась сланцевая гора, где они должны были устроить засаду.

- Итак, мы вычеркнули чудовищ и жаждущих мести бандитов, - продолжил Камень. - У кого еще есть причины тебя ненавидеть?

- Исключая присутствующих? - Калев закашлялся и прочистил горло. - Ну, я... был один инцидент в Шпиле. Ты когда-нибудь слышал о Руке Хэрроу?

- Я слышал о ней, - отозвался Камень. - Но думал, это просто миф.

- Ага, забавное дело, - произнес Калев. - Видимо, в мифах всегда имеется зерно правды.

- Хочешь сказать, что ты украл Руку Хэрроу? - Камень нахмурился. - Вломился в Шпиль, выкрал бесценный артефакт и каким-то образом ушел живым?

- Живыми. И да. Вроде того.

- Тогда похоже, что у нас есть подозреваемый. Удивительно только, что ты до сих пор не мертв.

- Не думаю, что я сейчас в приоритете. Все это происшествие привело к чему-то вроде кризиса наследования. Дом стоит на грани междоусобной войны. Пока они с этим не разберутся, сомневаюсь, что им будет особое дело до взыскания убытков.

- Откуда тебе все это известно?

- У меня есть поверенный по информации.

- Дом Делака?

- А бывает иначе?

Камень закатил глаза.

- Змеи, вся их шайка. С чего ты ему доверяешь?

- Этим вопросом я сам не раз задавался. Но он бывает искренним чаще, чем лжет.

- Ты в этом уверен?

- Я веду учет. Кроме того, это он мне сообщил о приближении охотников за наградой.

- Но не о том, кто их нанял?

- Нет.

Камень потер подбородок.

- Что ж, кто-то затаил вражду. И ему нет дела до людей, которые попадут под обстрел.

Над рудником висело облако маслянистого дыма. Вытяжным вентиляторам купола не удавалось удалить продукты горения, но на уровне земли был довольно неплохой обзор. Огонь уже погас, но по прииску были разбросаны тела. Искать признаки жизни не имело смысла - большинство сильно обгорело.

Пока Камень проверял тела, Кaleb изучил место раскопок. Рабочие что-то нашли, это было ясно по зияющей дыре. Кроме того, они подкатали лебедку. Что бы там ни находилось, оно должно было быть и крупным, и тяжелым. И все же теперь оно пропало.

Он услышал, как Камень выругался, и поднял взгляд. Пожилой мужчина осматривал одно из тел.

- Выстрел в голову, - со вздохом произнес он. - И вон там еще один. Это не был несчастный случай.

- Стало быть, ты мне веришь?

- Начинаю, - сказал старик. - Но все же не пойму, зачем была нужна смерть этих людей.

- Мне кажется, у меня есть идея на этот счет, - ответил Кaleb, кивнув на раскоп. - Кто-то вырыл дыру размером с амбота. Но амбота там нет. Я не особо-то детектив, но сдаётся мне, что тут прослеживается схема.

- Может быть, - кивнул Камень, подходя к яме. - Что-то отсюда точно забрали. Что-то тяжелое.

- Тогда где оно?

Камень не ответил. Он читал следы в пепле. Те были испорчены отпечатками ног и мало что значили для Калеба, однако пожилой шахтер, похоже, знал, что именно ищет.

- Вагонетка исчезла, - сказал он, кивнув на землю. Там что-то было: в пыли тянулись параллельные линии. Камень ткнул пальцем в пепел и вытащил его. На бронированные перчатки налипли металлические опилки.

- Намагничено, - произнес он, извлекая из кармана небольшое устройство.

Камень приподнял прибор, и иголка начала вертеться, пока ее не притянуло в направлении одного из отдаленных сталактитов.

- Вон там, - сказал он, указав пальцем.

Калев пожал плечами, не поспевая за ним.

- Вагонетка, - продолжил Камень. - Кто-то ее увел. В ту сторону, судя по компасу.

- Но там же нет рельсов?

- Они и не нужны, - ответил Камень. - Количество железной руды в скальном основании достаточно для перемещения вагонетки, по крайней мере - какое-то время. Далеко ей не уйти, особенно если она везла что-то тяжелое.

- Ты можешь ее выследить?

- Ага, - кивнул Камень. - Тебе интересно поквитаться?

- Меня можно было бы убедить.

- Тогда, возможно, пора нам снять с тебя эти наручники и дать тебе оружие. Думаю, это...

Лазерный импульс ударил Камню в плечо, сбив того с ног силой разрыва. Опрокинувшись, он упал и тяжело ударился оземь. Второй выстрел врезался ему в висок.

Калев обернулся.

Она стояла у входа на прииск, уперев в плечо винтовку. На ней был надет изысканный облегающий костюм из кожи и плетеной сетки, но материал износился, испортившись от контакта с токсинами подулья. Левую руку украшал серебристый наруч, металл которого странным образом не пострадал. Ее волосы были туго увязаны на затылке, хотя отдельные пряди выбились из пучка и болтались возле лица. Но больше всего его встревожили ее глаза. Ему доводилось видеть безумие и ненависть: и то, и другое в подулье являлось обычным делом. Однако в ее глазах был истовый сумасшедший блеск, как у фанатиков из дома Кавдор. В ее ненависти присутствовало маниакальное ликование, поглощавшее всякий здравый смысл.

- Вечно ты не там, где должен быть, - произнесла она и подошла на шаг ближе, целясь из винтовки ему в голову. - Но думаю, так лучше. Я бы отыскала тебя в Конце надежд, но там вышло бы грязно, в спешке. Так лучше. Так я могу не торопиться.

Калев посмотрел на нее в ответ, хмуря лоб. Он наклонил голову, будто пес, которому не дается сложная команда.

- Прошу прощения, мы встречались? - спросил он.

Лазерный импульс ударил в землю перед ним, опалив ботинок. Он отступил назад.

- Ты встречал моего отца! - бросила она. Голос дрожал, трепет переползал на руку.

Она замедлила шаг и сделала глубокий вдох, сосредотачиваясь. Дрожь прекратилась.

- Мое имя Элисса Хэрроу, - уже спокойнее произнесла она, хотя ее глаза продолжала переполнять ненависть. - Ты вломился в мой дом, убил моего отца и изувечил его тело.

- Ну, это, конечно, слегка сужает круг поисков, - отозвался Калев, крошечными движениями переставляя ноги в направлении рудника. - Это было недавно, или...

Идеально произведенный выстрел прошел у него между ног, чуть-чуть опалив промежность, и ударил в землю позади.

- Тебе так нравится слышать собственный голос, да? - продолжала она, приближаясь. Ее рот растянулся в улыбке фанатика. - Куда бы ты ни пошел, везде рассказываешь эти истории. О том, кого ты убил, где бывал и что сделал. Как даже взобрался на вершины Шпиля, будто ты какой-то там герой подулья. Что ж, а знаешь, как завершится твоя история?

Он покачал головой.

- В бесчестье, - сказала она. - Люди будут говорить о том, как из-за мелкой обиды ты выпустил машину-убийцу на невинных жителей Конца Надежд. Те будут рассказывать, как она разнесла поселение на куски, при этом едва не истребив их. Но, к счастью, в последний момент Калеба Подонка остановит отважный воин из верхнего улья, который отомстит за смерть своего отца и зароет жалкого вора в землю, будто собаку. Отныне и впредь тебя будут называть Калевом Проклятым, как тебе такой конец?

- Неплохо, - согласился он, поразмыслив секунду. - В смысле, чисто с точки зрения рассказчика, лично для меня не идеально. Я так понимаю, что машина-убийца, о которой ты говоришь - это амбот?

- Я послала его освободить тебя, - произнесла она, продолжая улыбаться. - Он должен был взломать камеру и выпустить вас обоих на волю. Разумеется, после этого я бы отключила ограничители и позволила ему выплеснуть часть моей досады на эту клоаку. Но коль скоро ты тут, мне, видимо, придется слегка изменить свою историю. Думаю, мы скажем, что я появилась вовремя, чтобы тебя остановить, но слишком поздно для того, чтобы помешать тебе лишиться жизни еще одного несчастного поселенца.

- Один нюанс, - сказал Калев, когда она направила оружие ему в лицо. - На самом деле я не убивал твоего отца. И не увечил его. Человек, который за это в ответе, сейчас находится в той клоаке. Можешь убить меня, но она придет за тобой.

Улыбка ЭлиССы дернулась.

- Ты лжешь.

- Зачем мне это? - спросил он. - Ты меня все равно убьешь. Просто перед смертью мне хотелось бы, чтобы ты знала: это еще не конец. Ты, должно быть, видела ее в деле. Как считаешь, у кого больше возможностей победить твоего отца - у нее, или у меня?

Калев заметил движение за спиной ЭлиССы. Камень приподнялся на локте. Его лицо представляло собой окровавленное месиво, кожа с одной стороны сгорела, обнажив стальную пластину черепа. Он поднял свой стаббер.

Она не шевельнулась, продолжая целиться в Калеба.

- Даже если это и правда, неважно, - произнесла она. - Амбот...

- Она его одолеет. Как уже делала раньше. А потом она придет за тобой. И там уже не будет никаких монологов, никаких сложных схем или запутанных замыслов. Она просто найдет тебя, убьет и вырежет тебе сердце.

Элисса ничего не ответила, но ее палец напрягся на спусковом крючке.

Камень выстрелил. Заряд стаббера зацепил ее бок, большую часть выстрела приняла на себя плетеная броня. Покачнувшись, но устояв на ногах, Элисса крутанула винтовку для ответного огня.

Калев повернулся и помчался ко входу в шахту. Железные кандалы затрудняли движения. Позади он услышал еще один выстрел из пистолета, а затем того заставил умолкнуть лазерный импульс. Он метнулся в клетку - еще один импульс пронесся у него над головой - и ударил кулаком по рычагам управления. Двери медленно и со скрежетом закрылись. Клетка начала подниматься по стволу шахты, и он кое-как разглядел на земле внизу фигуру Элиссы Хэрроу, направившей винтовку на распростертое тело Камня.

9

Иктомии смотрела в узкое окно камеры. Ее руки были свободны, но правая сжимала левую, перекрывая кровавый ручеек.

Она видела, как после ухода Камня с Калевом поселенцы разошлись по сторонам, выставив охрану для патрулирования периметра. Еще двое поднялись наверх главного здания, выступая в роли наблюдателей для сил на земле.

Теперь же она наблюдала за центральной площадью.

Мимо проходили небольшие группы людей - всегда начеку и с оружием в руках. Она улавливала обрывки разговоров, из которых мало что было понятно: они не знали, что будет дальше, только что им надо держаться настороже. Ее взгляд упал на скальное основание в середине площади, где камни начали приплясывать. Движение было практически незаметным, словно взмахи крыльев мухи.

Она нахмурилась.

Мимо снова прошли шахтеры, но она проигнорировала их, сосредоточив внимание на крошечных вибрирующих камешках. Теперь она ощущала сотрясающую их силу - под ногами как будто проходили отголоски далекого грома.

По скале пробежала трещина, не шире лезвия ножа.

Она отвернулась от окна. Ее цепи были кольцом обернуты вокруг железной решетки, рядом лежали окровавленные кандалы, из замка которых до сих пор торчал осколок кости. Она подобрала цепь, не обращая внимания на боль в перевязанной руке.

Голоса. Они бежали к площади. Слов ей было не разобрать из-за грохота, который все громче доносился из скалы.

Амбот вырвался на главную площадь, выступив из осыпающегося грунта, будто это был мелководный поток. Щелкнув стальными мандибулами, он оглядел поселение. Сенсоры поблескивали нездоровым янтарным цветом: он искал свою цель.

Выстрелы. Поселенцы приближались к машине, разряжая в нее свои дробовики. Заряды отскакивали от панциря, словно галька от стали. Амбот не обращал на них никакого внимания, направляясь к ее камере. Он двигался не так, как она помнила – каждый шаг был медленным и выверенным, будто у заводной игрушки. В его глазах не было ярости, лишь холодная целеустремленность. Подойдя ближе, он поднял лапы, и подвесные мелта-блоки вспыхнули.

Иктоми отступила на дальний конец камеры, крепко сжимая цепь. Она чувствовала жар, исходивший от стены. Соприкасающийся с оружием металл дымился. Клешни амбота погрузились в железо, от пил полетели искры, и он вскрыл стену, прорвав в ней дверь шириной в переборку.

Машина сделала шаг назад, словно приглашая ее пройти.

Она не шелохнулась.

Шахтеры приближались, нацеливая свое оружие. Машина не реагировала, явно выполнив свою задачу.

Затем она застыла, сервоприводы заблокировались.

Сенсоры вспыхнули красным, словно предостерегая; стальные мандибулы заклацали.

Амбот уставился на нее своими искусственными глазами. Из его пасти с шипением исходил пар.

Она ждала.

Клешня машины метнулась вперед, полыхнул мелта-блок, но она уже пришла в движение, бросившись влево и стискивая цепь обеими руками. Крутанувшись на пятке, она перенаправила инерцию в оружие и со всей силы швырнула его в лицевой щиток машины. Пролетая сквозь луч мелты, цепь раскалилась добела, и растекающийся как воск металл врезался в блок сенсоров.

Лапы амбота взметнулись к лицевому щитку, металл заскреб о металл, пытаясь расчистить обзор. Промчавшись мимо, Иктоми выскочила в проем, пробитый в стене камеры. На площади снаружи шахтеры успели выстроиться полукругом и направить свое оружие на брешь в стене.

Она замерла, стремительно переводя глаза с одного лица на другое, пока не нашла их бывшего охранника – мужчину, которого Камень называл Кожевником.

Тот встретился с ней взглядом.

- Камень велел стеречь нас, – произнесла она. – И еще он сказал, что ваше слово подобно железу.

У нее за спиной амбот издал яростный рев. Он неуклюже развернулся, ограничиваемый собственными габаритами, а затем описал своим кулаком смертоносную дугу. Иктоми поднырнула под удар, и ее пальцы сомкнулись на отломанном пруте из окна камеры. Она обрушила его на лицевой щиток амбота, столкновение отдалось в руку.

Даже не вздрогнув от удара, машина потянулась к ней, крутя пилами.

От нагрудника отрикошетил залп стабберных зарядов.

Амбот замер, пощелкивая мандибулами, как будто его протоколы вступили между собой в противоречие.

Возглавляемые Кожевником поселенцы открыли огонь. Пока они отступали, продолжая палить из своего оружия, Иктоми пробежала между ними. Преследующая ее машина зашагала сквозь обстрел. На

дальнем краю поселения находилась мастерская. Там должны были быть машины – возможно, достаточно мощные, чтобы пробить панцирь чудовища.

Она оглянулась назад. Машина немного отставала, но продолжала двигаться следом, устремив на нее свои багряные сенсоры.

В запястье амбота вонзился гарпун. Метательный снаряд нашел слабое место между пластин.

Амбот сбавил шаг, переводя взгляд со своей руки на стрелка, который теперь был соединен с ней стальным тросом. У человека осталась секунда, чтобы осознать собственную ошибку, а затем машина выдернула оружие у него из рук, сбив его с ног. Пока он пытался подняться, амбот метнулся вперед, и его мелта-блок полыхнул. Воздух наполнился вонью горящего жира. К счастью, крики длились недолго.

Автоматон замедлился, не обращая внимания на выстрелы и обводя сенсорами площадь, как будто что-то искал. Один из поселенцев подошел слишком близко, пытаясь разрядить дробовик в относительно незащищенный бедренный сустав машины. Та внезапно рванулась к нему и обрушила вниз свою клешню, превратив человека в кашу. Немедленно потеряв к нему интерес, она возобновила поиски, словно высматривала след.

Она охотилась.

Иктами притормозила, и с ней поравнялся Кожевник.

- Что оно делает? – спросил он.

- Оно меня помнит, – прошептала она.

Он посмотрел на нее.

- Что?

- Гляди.

Машина ее заметила. Между челюстей с шипением вырвался пар, и она сорвалась на тяжеловесный бег. Шахтеры перемещались вместе с ней, образовав вокруг чудовища полукольцо и стреляя из своих автоматов контролируемые очередями. Амбот дергался от попаданий, но не замедлял хода.

Иктами оглянулась на мастерскую и вереницы перевернутых вагонеток, которые еще находились в ремонте.

- Они еще работают? – спросила она.

Кожевник пожал плечами.

- Я мог бы их запустить.

- Давай, – произнесла она и устремилась к мастерской. Машина загрохотала следом, прорываясь сквозь град пуль.

Она нырнула между вагонеток, перекатилась и оказалась на ногах. Правая рука сжимала сломанный прут, левая оставляла за ней кровавый след.

Амбот враскачку приблизился, щелкая мандибулами. Возможно, разумом машины до сих пор руководил некий отголосок того хищного существа, которым она когда-то была. Вокруг нее шахтеры занимали свои

места, передвигая рычаги и кривошипные рукоятки. Они понемногу оживляли генераторы.

Амбот никак не показывал, что видит их, его сенсоры оставались направлены исключительно на Иктоми. Он качнулся вперед и занес клешню, мелта-блок засветился. Раздался свист кипящей и испаряющейся атмосферной влаги. Иктоми пригнулась ниже выстрела, жар которого опалил ей плечи, и махнула прутом по широкой дуге. Тот заклинил ствол. При контакте металл растекся, и раскаленная сталь залила оружие. Она отвернулась как раз вовремя, успев избежать слепящей вспышки.

Амбот глянул на свою почерневшую конечность, как будто не мог в полной мере осмыслить полученный урон. Затем он поднял неповрежденную лапу и выпустил еще один тепловой заряд. Она нырнула вниз, чувствуя, как лицо покрывается волдырями, а воздух заполняется смрадом обгоревших волос. Машина развернулась следом за ней, практически раздраженно щелкая мандибулами. Она снова присела, стараясь удерживать грохочущее чудовище между вагонеток. Она выдохалась, а машина, несмотря на свою неуклюжесть, никогда не уставала и никогда не останавливалась.

Но что-то было не так.

Амбот замедлялся, он двигался заторможенно, будто шагал под водой. Куски металлолома перед пошатывающейся машиной отползали в сторону. Сервоприводы скрипели, словно борясь с какой-то незримой силой.

Шахтеры активировали перевернутые вагонетки, и амбот оказался в магнитном пузыре между ними.

Развернувшись, Иктоми перескочила через баррикаду. Шахтеры подстраивали выходную мощность, пытаясь разорвать существо на части. Ближайший посмотрел на нее и покачал головой. Генератор работал в полную силу, но они могли лишь замедлить чудовище, а не остановить его.

Она искала оружие.

Вот. За генератором. Брошенный гарпун, к которому оставался прикреплен трос.

Она окликнула Кожевника, управлявшего генератором:

- По моему сигналу вырубайте ток. А потом готовьтесь пропустить его через трос.

Тот кивнул.

Амбот не мог понять, что за странная сила действует на него, лишая конечности мощи, однако разума машины, должно быть, хватило, чтобы распознать в поселенцах угрозу. Она подняла свое оставшееся орудие, и по вагонетке хлестнула волна жара. Каркас искорежился и согнулся, шахтеры бросились прочь от струи. Металл пошел пузырями, и вагонетка отключилась, исказив магнитное поле. Амбот неожиданно утратил устойчивость и оступился - оставшиеся вагонетки увлекали его назад. Он инстинктивно боролся с полем, впившись клешнями в грунт и пытаясь вытянуть себя вперед.

Иктоми зашагала к нему и остановилась в шаге от магнитного пузыря, подняв гарпун с тянущимся назад тросом.

Амбот зашипел и удвоил усилия, продираясь к ней. Он с трудом поднялся на ноги, и она занесла гарпун.

- Сейчас! - произнесла она.

Поле вдруг исчезло. Потеряв равновесие, амбот полетел вперед. Пока он падал, Иктоми метнулась ему

навстречу и вогнала импровизированное копьё в блок сенсоров машины. Она попыталась чисто отпрыгнуть, но раненый автоматон зацепил ее ударом вскользь и сбил с ног. Она тяжело приземлилась и перекатилась на одно колено, держась за плечо.

Машина поднялась. Гарпун так и торчал из ее лицевого щитка, а с него свисал трос. Зашипев, амбот с грохотом двинулся к ней, жужжа своими пилами в предвкушении. Он не обращал внимания на шахтеров, возившихся с силовыми выводами – их намерения не поддавались его пониманию. Мандибулы жадно дернулись напоследок. Он занес кулак, чтобы нанести смертельный удар.

Кожевник дернул рубильник.

Генератор мастерской пустил ток по тросу, через гарпун и прямым в блок сенсоров амбота. Машина оцепенела, сервоприводы застыли. Огни на сенсорах вспыхнули красным, затем белым, а затем полностью погасли.

Над лицевым щитком за клубился дымок, и чудовище затихло.

Элисса крадучись пробиралась по тесным недрам шахты. Она двигалась неловко, ребра болели от попадания из стаббера. Ей не верилось, что старик выжил после выстрела в голову, но еще три в грудь утихомирили того.

Клеть опускалась вниз целую вечность. Она отчасти ожидала, что Калев оставит ей какой-нибудь сюрприз: осколочную мину, или плазменный заряд, но там ничего не было. Он ничтожество – снова и снова напоминала она себе. Это была просто неудача.

В шахте воняло, испарения обжигали легкие. Следовало прихватить респиратор, но она и не думала, что тот ей понадобится. Она бы подумала, не дожидаться ли, пока он сам выйдет, не будь шахты соединены переходами. Если он найдет способ перебраться, ей, возможно, уже никогда его не поймать.

Дальнобойный лазган оставался при ней, но в тесноте туннелей оружие стало неудобным: его ствол был слишком длинным для работы в узких проходах. Элисса попыталась было пристегнуть его за спину, но оказалось, что даже так тот цепляется за стены. Она прикинула, не разобрать ли винтовку, однако это бы не только лишило ее оружия, но еще и замедлило бы преследование. У нее имелся стаб-пистолет в кобуре на поясе, а также нож – может быть, оставить ружье и продвигаться дальше без него?

Но что, если Калев затаился где-то впереди?

Если она оставит оружие, он может сделать петлю, подобрать ружье и дожидаться, когда она выйдет из туннелей.

Ее сердце колотилось. Элисса сделала вдох, прикрывая рот от большей части испарений и успокаиваясь. Она попыталась вспомнить, что ей говорил Гарак Ищейка во время охоты. Тому никогда не требовался след, он просто шел тем путем, которым, как он знал, пошла бы добыча. У Калеба были скованы запястья – это ограничивало его движения, особенно в плане подъема. Кроме того, оковы были тяжелыми, с толстой железной цепью. Производимый этой цепью шум ему было бы сложно приглушить, тем более если он пытался перемещаться быстро.

Она замедлила шаг и задержала дыхание, вслушиваясь.

Вот оно. Лязг металла. Из-за эха было сложно точно определить источник, но она смогла понять, с какой

стороны доносился звук, и двинулась туда, задевая винтовкой о стены туннеля. Здесь имелась дюжина ответвлений, входы в которые были помечены шифрованными символами.

Куда?

Она ждала, затаив дыхание и слыша лишь стук крови в ушах. Все ее инстинкты говорили, что она должна бежать вперед, что промедление – риск упустить его. Однако отец говорил ей, что признак великого охотника – это терпение, знание, когда действовать, а когда реагировать на ситуацию. Кaleb должен был устоять. Скорее всего, он нашел где-то убежище и ждал, пока она пройдет мимо него. Один-единственный шаг мог выдать ее присутствие. Она должна была пересидеть его: заставить решить, будто отказалась от поисков.

Шаги. Она крутанулась и побежала со всей возможной скоростью, держа винтовку пониже. Впереди туннель раздваивался; правый проход преграждали сломанные трубы, левый же был свободен. На стене над ним было что-то нарисовано: красный крест. На дальнем конце она увидела движение – фигуру, ныряющую в укрытие. Вскинув ружье, она помчалась по туннелю, пытаясь выстрелить наверняка.

Бок пронзила острая боль.

Она взвизгнула и выпустила из рук винтовку, а что-то впилось ей в бедро. Из скалы перед ней хлестнула распрямляющаяся спираль, полоснувшая ее по щеке и выдравшая кусочек плоти. По всему коридору появлялись другие такие же. Хлысточерви; туннель был заражен.

Ей удалось почти что побежать. Мышца бедра протестовала, из раны толчками лилась кровь. Конец коридора был прямо перед ней, менее чем в дюжине шагов. Она выскочила туда, завалилась на бок и неуклюже поднялась.

Что-то врезалось ей в висок. Она пошатнулась, каким-то образом устояв на ногах, и вскинула руки, чтобы заслонить лицо. Второй удар сбил ее защиту, железо с хрустом попало по запястью, и она перестала чувствовать пальцы. Затуманенными глазами она увидела прыгающего на нее Калеба. Рот того был прикрыт респиратором, он будто дубинкой замахивался железным замком, который запирает его оковы. Она нанесла ответный удар, неловко выбросив правый хук, по касательной зацепивший его подбородок. Второй попал ему в висок, заставив пошатнуться. Она попыталась развить успех, но он предугадал третий удар, нырнул вбок и захлестнул цепь у нее на предплечье. Извернувшись, он перекатился ей за спину и вздернул ее руку себе на плечо.

В локте что-то разорвалось.

Вскрикнув, она трясущимися пальцамихватила нож и яростно полоснула им, на миг забыв о своей выучке. Клинок резанул Калеба по кисти. Он издал приятное слуху болезненное рычание и отпустил ее руку. Она ударила снова, вонзив нож прямо ему под лопатку. Он пошатнулся, но внезапно атаковал в ответ, запуская пальцы в рану у нее на бедре. Нога подогнулась, и она припала на одно колено, выпустив нож, который так и остался торчать из его плеча.

Кaleb двигался неловко. Его руки оставались скованы, что не позволяло ему дотянуться до ножа в плече. Элисса медленно поднялась. Только одна нога могла выдержать ее вес, правая рука была практически бесполезна, не имея силы что-либо удержать, однако к пальцам левой возвращалась чувствительность. Она зашарила в поисках стаббера, но кобура была пуста: оружие потерялось в ходе схватки.

Она сознавала, что устает, а силы утекают из нее через дюжину ран, однако Кaleb держался немногим

лучше. Ее взгляд заметался по туннелю, ища оружие, способное закончить дело, а Кaleb тем временем попятился прочь, отступая к помещению, которое оказалось врезанной в скалу камерой из ржавого железа. Металл был погнут и потускнел от ядовитых испарений шахты. Элисса заковыляла следом, потеряв в скорости из-за раны на ноге. Еще хуже было жжение в горле. Шахта убивала ее - теперь она это понимала. Однако у нее еще оставался шанс, если бы получилось убить его быстро: она могла забрать его респиратор и вернуться в Шпиль с исполненным обетом и не пострадавшей честью. Так что она пробиралась дальше, продолжая нащупывать оружие, как будто пистолет мог каким-нибудь образом застрять где-то на ремне.

Ее рука сомкнулась на крак-гранате.

Это было рискованно. После взрыва в туннелях их обоих могло раздавить. Насколько ей было известно, токсичные пары легко воспламенялись. Однако у нее кончалось время.

Нырнув в камеру, Кaleb медленно пятился к центру. Она понемногу приближалась, ища возможность для атаки, но он продолжал от нее ускользать, постоянно оставаясь вне досягаемости. Хотя респиратор и скрывал его рот, по глазам она видела, что он улыбается.

- Ты хорошо себя чувствуешь? - поинтересовался он. - Вид у тебя слегка нездоровый.

Она метнулась вперед, вскидывая руки к его горлу, но он сделал шаг навстречу и впечатал свой лоб ей в лицо. На глазах выступили слезы, она пошатнулась и едва сумела уклониться от удара ногой, нацеленного в голову. Кaleb развернулся, на мгновение потеряв равновесие, но она была слишком ошеломлена, чтобы воспользоваться этим.

- Вот такой ты напоминаешь мне своего отца.

Элисса закричала, черпая силы в ярости, и потянулась к ножу, который все еще торчал у него из плеча. Он опять ткнул большим пальцем, вонзив тот в рану у нее на боку. Она с воем повалилась наземь, полностью лишившись сил. Даже скованный, даже с ножом в плече, он победил. Она слишком ослабла, чтобы преследовать его. Ее душило нечто такое, чего она не могла убить. Кaleb каким-то образом обошел ее так, что теперь она лежала при смерти посреди комнаты, а он стоял спиной к выходу.

Он отвесил ей поклон, намереваясь уйти. Ее пальцы вновь нащупали крак-гранату.

Элисса сумела улыбнуться. Она все еще могла исполнить свой обет.

Взметнувшись вверх в последний раз, она схватила цепь, сковывавшую его запястья, и взвела гранату. Но он забился как зверь, извернулся - и цепь выскочила из скользких от крови пальцев. Взрывчатка выпала из ее руки, подпрыгнула и остановилась в центре камеры.

Последовал миг, который как будто длился целую жизнь: Кaleb исчезает в туннеле снаружи, его ноги грохочут по камням, на гранате вспыхивают красные огни, отсчитывающие ее последние мгновения.

Она увидела своего отца в день бала дебютантов, восторгающегося ею и ее нарядом. Она знала, что тогда он страдал: годы, наконец, брали свое. Но никто бы не понял этого по произнесенной им речи, по силе его голоса. Он бы так ей гордился.

Взрыв разорвал крошащееся железо, выпуская на свободу поток токсичной сточной жижи, процеженной из вод Выгребной Ямы. Последним, о чем подумала Элисса, прежде чем волна обрушилась на нее, стали сверкающие шпильки дома Хэрроу.

Прислонившись спиной к стволу шахты, который вел вниз, к поселению Конец Надежд, Кaleb глядел на изумрудную воду озера, известного как Выгребная Яма.

Он вздохнул и присел на корточки, скрестив руки и барабаня пальцами по запястью.

Иктами просто сидела рядом с ним.

- Мы умрем здесь, - задумчиво проговорил Кaleb. - Ты же в курсе, да? После всего перенесенного мы в итоге встретим свой конец в неизвестной дыре, поскольку ловец не удосужился пожаловать.

- Он говорил, что приплывает каждые три дня.

- А если не приплывет?

- Ну, если ты умрешь первым, я смогу выжить, питаюсь твоим трупом.

- Вот, значит, до чего мы дошли? А если ты умрешь первой, я могу тебя съесть?

Она бросила на него взгляд, нахмутив лоб.

- Конечно, - сказала она, отворачиваясь, - Почему нет?

- Это если мы вообще протянем достаточно долго, чтобы начать голодать, - произнес Кaleb. - Этот островок точно не выглядит надежным.

Он был вполне прав. Островок образовался из мусора, плававшего по токсичным водам и окружившего вход в нижний мир. Кaleb поднялся и стал осторожно пробираться по острову, пока не оказался рядом с краем. Он ковырнул неровную землю носком, и от нее отломился кусок шириной в два фута. Тот отплыл на несколько ярдов вглубь озера, а затем из стоков возникло множество щупалец, лениво утянувших его вглубь.

- Что ж, это ободряет, - сказал Кaleb, медленно отходя от края.

- Постарайся не разломать остров.

- Нам следовало остаться в Конце Надежд, - посетовал он. - Хотя бы какое-то время. Мы могли бы убедить их построить нам плот.

- Они хотели, чтобы мы ушли.

- Я бы смог их уболтать.

Иктами приподняла бровь.

- Последний раз, когда ты их уболтал, все кончилось тем, что двоих из них подстрелили, а мы взорвали их основной источник прибыли.

- Ты концентрируешься на негативе. Суть в том, что я их уболтал.

- Они позволили нам уйти, потому что так было проще. Давай не будем делать ничего такого, из-за чего они передумают.

- И мы дали им оставить себе амбота, - продолжил он. - Как только они приведут его в рабочее состояние, все изменится. Мы даже половину своего гонорара не запросили. Подводя итог всему вышесказанному, я считаю, что они перед нами в долгу. Могли бы хоть дать мне бутылку «Бешеной змеи», чтобы я умер счастливым.

- Хочешь вернуться и сказать им об этом?

Калеб помолчал секунду, вспоминая путешествие под стоком и ужасных существ, рыскавших в глубине токсичных вод.

- Камень бы разрешил нам остаться, - произнес он, усаживаясь рядом с Иктоми. - Ну, ты понимаешь... если бы остался жив.

- Ты не можешь быть в этом уверен.

- Нет, не могу. Но все равно жаль, что он не выжил.

- Он был крутым, - сказала она. - Он славно умер.

- Он был крутым, потому что наполовину состоял из бионики. Не представляю, как человек, живущий там внизу, смог позволить себе такое масштабное воссоздание. Он что, был кем-то важным? Имелась еще какая-то причина, по которой он находился внизу?

Она пожала плечами.

- У всех есть своя история.

- Ага, - пробормотал Калеб. - У дочки Хэрроу в голове точно была история, и я совершенно уверен, что мы в ней являлись злодеями. Ну не странно ли?

- Отвратительно, - согласилась Иктоми. - Повстречай я эту девчонку, вырезала бы ей сердце.

- Да, действительно.

Они наблюдали, как сточные воды плещутся о берег, окрашивая его зеленым.

- За мою голову так и объявлена награда, - сказал Калеб. - Не знаю точно, кто ее назначил. Это нехорошо.

- Может, тебе следует научиться не высовываться?

- Может.

- И держать рот на замке.

- Ты права, - произнес он. - Будет лучше, если мы забудем это маленькое приключение.

- Никаких историй о твоих великих подвигах?

- Никаких, - согласился он. - Ну... разве что кто-нибудь сам спросит. Не хочу быть грубым.

- Могут спросить еще насчет твоего носа.

- Кривой, да? - простонал он, ощупывая лицо пальцами. - Так и знал. Насколько скверно смотрится?

- Зависит от того, насколько ты самолюбив.

Он немного подумал.

- Будем считать, что чрезвычайно.

- Тогда, возможно, мне стоит попробовать его выпрямить, - сказала она, поманив его поближе.

Он наклонился. Она взяла его за нос большим и указательным пальцами.

- Готов? - поинтересовалась она. Прежде чем он успел ответить, раздался резкий хруст и нахлынула боль, от которой на глазах выступили слезы. Выругавшись, он вскочил на ноги, прижимая руки к лицу. Иктами ждала.

- Как смотрится? - спросил он. - Лучше?

Она изучила его лицо.

- Лучше, - согласилась она. - Но не совсем так, как раньше.

- Полагаю, это я переживу, - произнес Калев. - Не думаю, что после чего-то в таком духе можно остаться прежним.

Они уставились на противоположную сторону стока. Вдалеке сквозь смог медленно плыл силуэт баржи. Гребец вел ее к острову.

- Прости, что втянул тебя в это, - сказал Калев, пока они наблюдали за приближением баржи.

Иктами пожала плечами.

- И прости за твой палец.

Она подняла перевязанную руку и осмотрела три оставшихся пальца.

- Я им особо не пользовалась.

Они смотрели, как баржа подплывает к ним.

- Ты не обязана была оставаться, - произнес Калев. - Когда я допустил, чтобы все вышло из-под контроля... это не твоя проблема.

- Я дала клятву, - отозвалась она. - Обещала, что если переживу то путешествие через Пепельные Пустоши, то отплачу тебе, защиту взамен.

- Ага, но с тех пор ты спасала мне жизнь полдюжины раз.

- И все же ты до сих пор нуждаешься в защите, - сказала она. - Пока это не изменится, или один из нас не умрет, я буду соблюдать свой обет.

Калев нахмурился.

- Это была непродуманная клятва.

- Знаю, - вздохнула она. - Я была молода и умирала от облучения. Кроме того, меня укусило так много пауков.

Баржа подошла к ним, и гребец с улыбкой выдвинул трап. Калев уже собирался подняться на борт, когда Иктами тронула его за плечо.

- Мы могли бы двинуться дальше, - произнесла она, кивнув на воду. - Возможно, на другом конце озера безопаснее?

- Ты разве не слушала истории гребца по пути сюда? - ответил он. - Все эти разговоры про тварей с дальнего берега, которые носят на себе человеческие лица? Думаю, лучше я буду иметь дело с другими охотниками за наградой.

- Это были просто истории, - сказала она, и они шагнули на баржу.

- Может и так, - Калев пожал плечами, пристально глядя на воду вдаль. - Но в любой истории есть доля правды.

Эпилог

Слуга вошел в комнату и поклонился.

Леди Хэрроу подняла взгляд от стола. Ее лицо было полускрыто черной вуалью. Слуга склонился ниже, почти касаясь головой мраморного пола. Она подождала секунду, а затем показала, что он может выпрямиться.

- Да? - произнесла она. - Есть ли новости?

- Основная шахта, ведущая к Концу Надежд, перекрыта, - сказал он, адресуя свои слова в точку чуть выше ее головы. - Судя по всему, поселенцы какое-то время не хотят общаться с посторонними.

- Вот же никчемные грязекопы, - проговорила она. - И в этой навозной куче больше нет никого, кто знал бы, что произошло?

- Ваши агенты связались с одним из ловцов Выгребной Ямы, - ответил слуга. - Тот утверждает, будто видел всё.

- Так что же он сказал?

Слуга откашлялся.

- Он сказал, что Калев Пропаций перебил банду преступников, известных как Гранитные Лорды, уронив на них гору.

Он продолжал смотреть прямо вверх ее головы, избегая ее взгляда.

- И это все? - поинтересовалась она неестественно спокойным голосом.

- Ловец также заявил, что Пропашего сопровождала девятипалая убийца, которая победила бесхозного автоматона, напавшего на Конец Надежд. Похоже, затем он подарил того поселенцам.

- Какая затейливая сказка, - произнесла леди Хэрроу. - Фигурировало ли в этой речи имя моей дочери?

- Ее он не упоминал, - отозвался слуга, - однако сказал, что следом за Пропашим явилось множество

охотников за наградой.

- Полагаю, все они потерпели неудачу?

- Он до сих пор жив. Похоже, что охотники мертвы.

- Похоже? - переспросила она.

Слуга переступил с ноги на ногу.

- Ловец утверждал, будто на другом краю озера живут звери, которые ходят наподобие людей. Возможно, мутанты, или же очередные выдумки. Как бы то ни было, он говорит, что два дня назад вода выбросила на тот дальний берег человека, который был так обожжен и изуродован, что существа сжалились над ним и приняли как одного из своих.

Он рискнул бросить взгляд на леди Хэрроу, но не смог распознать выражения ее лица под вуалью.

- Моя госпожа? - произнес он. - Я полагаю, что этот человек был совершенно безумен: он часто говорил о горах, пики которых пронзают пепельную пустыню. Однако вы всегда можете отправить небольшой отряд, чтобы...

Она подняла руку. Он умолк.

- Хэрроу скорее умер бы, чем попал в руки отбросов из подулья, - проговорила она. - Увы, моя возлюбленная дочь Элисса Хэрроу скончалась, и я не стану пятнать ее репутацию, выказывая подобной истории хоть немного доверия. Ты более не будешь ее повторять.

- Разумеется.

Леди Хэрроу тяжело вздохнула.

- Прошу продлить мой формальный траур еще на один лунный цикл. О, и пошлите за Перином Хэрроу. Мы должны обсудить вопрос наследования.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=На_дне_/Low_Lives_\(новелла\)&oldid=14523](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=На_дне_/Low_Lives_(новелла)&oldid=14523)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 августа 2020 в 17:52.